

Медный страж

Автор:

Александр Прозоров

Медный страж

Александр Дмитриевич Прозоров

Ведун #9

Война князя Муромского с торками оказалась на удивление жестокой. После их разгрома для русских торговых людей открылись дороги в верховья реки Урал и, естественно, встреча с шаманами и арийскими магами, с новыми богами и правителями, с неведомыми на Руси народами и обычаями.

Встретив своего друга купца Любовода, Ведун ожидал найти на борту его ладьи отдых – покататься на волнах, послушать журчание воды, посмеяться над купеческими побасенками. Знал бы он, что попутный ветер и парус с алым крестом несут его под мечи бессмертных, неуязвимых врагов.

Александр Прозоров

МЕДНЫЙ СТРАЖ

Предисловие автора

Среди пустынь и пересохших степей Азии и Ближнего Востока то тут, то там вздымаются руины древних городов: полуобвалившиеся кирпичные стены, ямы безводных арыков и колодцев. Каменные остовы торчат кое-где и в безлесой истоптанной Европе, напоминая современникам о величии сгинувших во тьме

времени народов. Но редко удастся заметить что-либо подобное среди густой тайги, что зеленеет на бескрайних просторах Сибири, приуральских равнинах, да и на самом Урале. Леса быстро поглощают оставленные жителями улицы и площади, засыпают валежником рвы и колодцы, дожди превращают деревянные дома и крепости в груды перегноя, который тут же прорастает молодой зеленью. Пройдет два-три столетия, и забредший в бывшее городище охотник и не догадается, переваливая очередной взгорок, что одолевает неприступную твердыню, шагает по оживленному некогда торгу.

Обитателям здешних мест ни к чему было тесать камень или обжигать кирпич: вокруг в достатке векового леса – строй, не хочу. А дерево – материал недолговечный. Коли огонь его вмиг пеплом не обернет, так все едино гнильца сожрет потихонечку. Перестал человек следить – за пару десятилетий крытого дранкой дома не станет. Только холмик на месте избы да ямка как напоминание о погребе. Оттого и кажется, что просторы таежные испокон веков стояли пустыми и безжизненными, а цивилизация развивалась где-то в другом мире: на юге, на востоке, на западе.

Однако вот что говорят об этом историки:

«...во второй половине нашего века археологам удалось развернуть практически по всей территории Приуралья, Горного Урала и Зауралья планомерные массивованные разведки и раскопы... Результатом... стало раскрытие совершенно неожиданно нового мира, того мира, который создали предки уральских народов в эпохи бронзы (конец третьего тысячелетия до нашей эры – восьмой век до новой эры), железа (седьмой век до новой эры – девятый век новой эры), раннего Средневековья (десятый – тринадцатый века новой эры). И главной его приметой стала развитая сеть городов...»

«...На участке всего-то протяженностью в 8-9 километров обнаружены довольно хорошо реконструируемые остатки 60 городищ и многих сотен тяготеющих к ним поселений...»

«Уже около пяти тысяч лет назад на Южном Урале, в Прикамье и в Зауралье сформировались, как утверждает археолог Е. Н. Черных, самостоятельные металлургические центры, опирающиеся на собственное сырье и топливо... Горняки, люди тяжелой профессии, уже тогда поедали невероятное количество мяса – с раскопа площадью всего 64 квадратных метра собрано около 50 тысяч различных костей животных»[1 - Л. Сонин. «Древние государства уральских

народов».]

«В Челябинской области, на реке Большая Караганка, обнаружено городище синташтинского типа возрастом предположительно около пяти тысяч лет. Населяло его, по различным оценкам, от двух до трех тысяч человек. После выработки находящегося рядом месторождения медной руды (Воровская яма) селение было подожжено жителями одновременно с четырех сторон и оставлено».

В могильниках найдены воины с оружием, которое позднее назовут вооружением катафрактариев, первые в истории человечества колесницы, в болотах – древние настилы идущих неведомо куда дорог, в городищах – уникальные, не имеющие аналогов в мире плавильные печи, совмещенные с колодцами.

Все это вместе взятое означает одно: в те самые времена, когда зарабатывали свою славу магрибские колдуны и закладывали основы Каббалы вавилонские мудрецы, среди сибирских лесов тоже возникали и исчезали великие цивилизации – со своими ремеслами, со своими верованиями и искусствами, со своими богами и тайными знаниями.

Засим я начинаю мое почти правдивое повествование...

Проклятие горка

Поземка струилась под брюхо коней снежными струйками, словно река на песчаном мелководье. На лошадиных мордах, на шерсти возле ноздрей вырос серебристый иней; порывы ветра иногда пробивались сквозь густой лисий мех и касались прохладой потной шеи. Наверное, в степи было холодно. Точнее Олег определить не мог, поскольку термометров в здешней Руси еще не изобрели, да и нужды в них особой не испытывали, а сам он никакого мороза не чувствовал. Какой мороз, если под пластинчатую бригантку поверх голубой атласной рубахи надет войлочный поддоспешник в полтора пальца толщиной, сам бархатный доспех щедро подстеган ватой, да еще на него овчинный тулуп накинут. На ногах – меховые штаны из сшитого мехом внутрь каракуля, выпущенные поверх мягких, войлочных, с кожаными подошвами чуней, на голове – волчий треух,

подаренный месяц назад радостным селянином, сыну которого ведун в плату за ночлег заговорил «волчанку». Олегу Середину было так тепло, что он даже рукавицы сунул в карман тощей чересседельной сумки и придерживал заледеневшее ратовище рогатины голой ладонью.

– Пожалуй, ниже минус десяти, – негромко решил ведун. – Будь теплее, я бы и шапку скинул.

Шапку снять хотелось – голова раскалывалась после вчерашнего княжеского пира и просила прохладного компресса, рассола, кваса или, на худой конец, укропной воды. Но в суровых походных условиях излишеств воинам не полагалось: только кислое греческое вино и хмельной русский мед. И, как оказалось, смешивать эти напитки не стоило.

Олег стащил шапку, тряхнул головой, впуская свежий воздух под корни волос... Ох, надо, надо обриться наголо, как все бояре ходят. Не придется о гигиене заботиться, пока в дальних походах баню устроить невозможно, расчесываться ни к чему, никакие насекомые никогда не заведутся. Да и ветру лысину подставить опосля хмельной ночи куда как приятнее.

Морозец начал ощутимо покусывать мочки ушей еще до того, как холод успел остудить макушку, и ведун, вздохнув, напялил треух обратно: похмелье проходит быстро, а вот обморожение – годами.

– Глянь, боярин, – неожиданно окликнул его Будута. – Не иначе, дозор поганых будет.

Олег перевел взгляд в указанном направлении и действительно разглядел у горизонта несколько черных точек. Откуда в зимней степи возьмутся черные точки? Прав холоп княжеский, торки это, конные дозоры. Тоже вокруг лагеря своего глаза и уши распускают, местоположение ратей муромских проверяют.

– Молодец, – вслух похвалил паренька Середин. – Первым углядел.

Кто-то из дружинников хмыкнул: дескать, давно уж ворога заприметили, токмо языком молоть не стали, – однако ведун пропустил этот намек мимо ушей. Ну и что, что полтора десятка опытных воинов уже не один поход за плечами имеют и опыт ратный, а он всего лишь гость княжеский? Назначил князь Гавриил его

старшим – значит, прав будет тот, кто ему первым доложится, а не сам с усам зоркостью гордится.

Точки далеко справа неожиданно превратились в крохотные фигурки всадников – видать, чужой дозор поднялся на взгорок и стал виден целиком, а не высывался кончиками пик и меховыми шапками. Тоже полтора десятка воинов.

– И-и, эх... – Опять, не дожидаясь приказа, дружинники начали скидывать шапки и цеплять поверх мягких округлых тафий островерхие шлемы. Оно и понятно – какой же русский, врага заметив, не повеселится, удаль молодецкую не покажет, в драке не разомнется?

Однако Олег принимать решение не торопился. В конце концов, дозоры не для того рассылаются, чтобы в мелких стычках ратников терять, а дабы князю весть о враге доставить, внезапного нападения не допустить, чужие силы разведать. Зачем же сечу затевать? Ничего она в ходе войны многомесячной не изменит...

А если честно – ну никак не хотелось ведуну с больной головой столь шумное и тряское дело затевать. И без того плохо.

Увы – торки тоже зачем-то захотели опробовать крепость своих копий на русских щитах и перешли в галоп. Они стремительно приближались, то проваливаясь в выемки между пологими степными холмиками, то внезапно вырастали в полный рост, чтобы опять укрыться в низинку.

– Ну же, воевода! – опять подал голос один из дружинников.

– Не нукай, не запряг! – огрызнулся Олег. – Не видишь, сами скачут? Чего нам коней попусту утомлять? Прискачут ближе, тогда и вдарим. А коли ноги затекли, так слезай и пешим побегай. Времени маленько еще есть.

Среди воинов пробежал смешок, и ведун понял, что принял правильное решение.

– Будута, ну-ка, назад отступи, – продолжил Олег. – У тебя брони нет, только тегиляй да шапка бумажная. Нечего тебе под пики лезть, последним вяжешься. А вы, мужики, рогатины да щиты с петель снимайте.

– Сам-то тоже без брони, боярин... – обиженно огрызнулся парень.

– Давай-давай, делай что сказано, – повысил голос Середин. – Моя броня – не твоя забота. Успеешь еще живот за землю русскую сложить.

– Ты бы и вправду, боярин, – кашлянул рыжебородый дружинник, – назад отступил. Мы в железе, нам первым бить сподручнее.

– Ништо, не пропаду, – вскинул подбородок Олег. – За чужие спины прятаться не привык.

Мысленно он в который раз поблагодарил киевского князя Владимира за царский подарок – чешуйчатую броню, крытую сверху драгоценным бархатом. По виду бриганта казалась всего лишь дорогим нарядом, хотя являла собой доспех, мало уступающий самой прочной кольчуге. Для врагов – сюрприз неприятный, для друзей – лишний повод храбростью ведуна восхититься. Впрочем, секрета своего Середин не собирался открывать никому. Тайна дорогого доспеха – основной залог его надежности.

– Смотри, боярин, – покачал головой дружинник. – У торков копыта не игрушечные.

– Коли что, на меня вали, – отмахнулся ведун, вынул рогатину из петли и перехватил ее поудобнее, выше по древку. – Дескать, я так приказал. Ну, братья мои, не посрамим земли русской!

До врага оставалось от силы метров триста – самое время разогнать свежих скакунов, да и вдарить с разгона по подлому врагу.

– Ул-ла!!! – завопили торки. Ур-ра-а-а-а!!! – дружно ответили ратники, опуская рогатины.

Двести метров, сто... Несколько мгновений скачки – и дозоры столкнулись.

Олегу достался уже пожилой, судя по морщинистой коже и седым усам, степняк. Ведун отбил щитом вражеское копьё вверх, но и противник смог отбросить его рогатину в сторону. Почти ничья... Но прежде чем они успели разъехаться, торк,

уже понимая, что удар отбит, опустил щит – Середин бросил копье, сжал кулак и впечатал его поганому в подбородок, тут же невольно вскрикнув от боли: на скорости почти шестьдесят километров в час удары незащищенной рукой даром не проходят.

Впереди на него летел другой поганый: молодой, бездоспешный, если не считать стеганого халата и широкого ремня с медными наклейками. Олег вскинул щит почти горизонтально, чтобы трехгранный наконечник вражеского копья не вонзился в древесину, толкнул пику степняка вверх, пригнулся, подныривая под нее и удерживая щит на уровне груди – они с пареньком разъезжались левыми плечами, и железная окантовка тяжелого деревянного диска врезалась торку под мышку, проминая одежду и ломая ребра. Несчастный жалобно вскрикнул, выпучив от неожиданности глаза, и медленно повалился с седла.

Впереди открылась чистая степь: дозоры разъехались. Олег потянул поводья, больше зажимая левый, развернулся, положил правую руку на рукоять сабли, но сжать ее не смог: отбитые пальцы не слушались. Рядом вытягивали оружие, придерживая горячащихся коней, десять дружинников...

– Нет, девять, – наскоро пересчитал своих ведун. Еще двое, Будута и рыжебородый, крутились пешими, выискивая врага остриями мечей.

Торков пешими оказалось тоже двое, причем один еще копошился в снегу возле своего мертвого скакуна, то ли ища потерянное оружие, то ли пытаясь вытянуть зажатую ногу. А вот верхом после скоротечной сшибки степняков осталось всего трое.

– Ул-ла!!! – размахивая саблями, кинулись в самоубийственную атаку поганые.

Дружинники ринулись навстречу, Олег же своего коня придержал: тут и без него все было ясно.

В последний миг перед сшибкой степняки внезапно прыснули в стороны. Ратники по инерции пронеслись прямо, а пока разворачивались – торки успели умчаться почти на полверсты. Середин понял, что один из пеших степняков исчез – ведун и не заметил, как его подхватили товарищи и посадили на круп одного из скакунов.

– Труссы!!! – заорал вслед княжеский холоп. – Курицы мокрые! Мыши степные! Идите сюда, я вас сталью угощу!!!

Остатки разгромленного дозора продолжали уноситься прочь. Впрочем, оказавшись ратная удача на стороне поганых, русские, скорее всего, повели бы себя точно так же. Почетно – кто спорит! – не дрогнуть перед напором вражеским, грудью кончину свою принять, до последнего мига с ворогом сражаясь. Да только кто тогда весть князю отнесет о степняках замеченных, о числе их и судьбе товарищей своих? Дозор – не крепостная стража. Иные у него цели и законы свои.

Дружинники гоняться за быстрыми степняками не стали – этак недолго в одиночку на крупную засаду налететь. Они кинулись ловить растерянно топчущихся вокруг лошадей, что лишились седоков.

– Не жилец. – Рыжебородый остановился возле копошащегося торка, размахисто перекрестился и милосердным ударом прекратил его мучения. Потом отошел к распластанному неподалеку своему товарищу, перевернул на спину, наклонился ухом к губам, чуть подождал, опять перекрестился, закрыл ему глаза. Двинулся к следующему. По пути попался степняк, еще скребущий пальцами мерзлую землю – воин мимоходом вогнал клинок ему в затылок.

Ведун отвернулся. Он уже научился соблюдать законы мира, в который его закинуло из рафинированного двадцать первого века, научился сам поступать согласно этим законам – но привыкнуть к ним все равно никак не мог.

Степь продолжала невозмутимо подметать наст поземкой, заравнивая следы ног и копыт, присыпая дымящуюся на морозе кровь, закапывая просыпанный из чьей-то сумки ячмень.

– Гляди, живой! Ладно ты его, боярин, приложил... – Это радостный, как перед колядками, Будута заматывал руки за спину пожилому торку. Тому самому, что получил от ведуна нокаут и, похоже, еще не пришел в себя.

Олег попытался сжать и разжать пальцы правой руки – кисть не подчинилась. Середин недовольно поморщился, достал из чересседельной сумки рукавицу, натянул на отбитую конечность. Переломов как будто нет. Значит, дней за пять

кисть отойдет, будет как новенькая. Главное – не отморозить, пока чувствительность потеряна.

– Ну, боярин, ну ты богатырь. Зараз двух коней на копье взял и полонянина одного.

– Одного скакуна себе возьми, второго, вон, дружиннику отдай. Не пешими же вам бегать, – приказал ведун. – Ты, Будута, возьми в повод коней, на которых раненых посадили. Вертайся к рати, доложись воеводе Дубовею о разъезде поганом, с коим мы столкнулись, о сшибке. Пусть настоroje будет. Прощупывают они нас, прощупывают.

– А ты как же, боярин? Вон, вижу, руку прячешь.

– Меня до сумерек в дозор послали, – отрезал Олег, подбирая поводья. – Как сменят, тогда и вернусь.

– За коня благодарствую, – подал голос рыжебородый, – ан погоди маненько, боярин. Пусть холоп и почивших, и добычу возьмет. К чему она нам на службе?

Ведун посмотрел на Будуту, кивнул. Коли с уважением, боярином называют – стало быть, признали. Не грех и самому уважение к чужому мнению проявить. Тем паче, что надолго дружинники не задержат, за четверть часа управятся. Середин подъехал к оглушенному торку, что только начал шевелиться, уже связанный и лишенный оружия, халата и сапог, посмотрел на пленного сверху вниз.

– Незнатного он рода, боярин, – сообщил, увязывая тюки из потников, рыжебородый. – Доспех старый, подгнил местами. Упряжь простецкая. Десятник разве, да и то вряд ли. Не станут за него выкуп платить. Зарезать – меньше хлопот будет.

– Пока жив – может, князь али воевода расспросить его о чем захотят, – пожал плечами ведун. – Пусть холоп к дружине отвезет. Зарезать никогда не поздно.

* * *

Когда Середин увидел пленника в следующий раз, тот оказался обнажен совершенно, лицо приобрело густой багровый оттенок, ноги были обуглены до колен, руки превращены в мочало, а спина – в мясной фарш. Ведун негромко крикнул, прошел мимо, перешагнув холодное кострище, расстегнул левой рукой пояс и скинул оружие у войлочной стенки походного княжеского шатра.

– Боярин Велеслав на день ангела своего пригласил. Святого то есть, – словоохотливо сообщил Будута. – От и нет никого. Пируют.

– Велеслав – значит славящий Велеса, скотьего бога, – прищурился ведун. – Значит, сегодня день Велеса?

– Велеса? – запнулся холоп. – Не, не христианский это святой... А, Велеслав – мирское имя боярина будет. А после крещения он другое принял. Агарий, кажется...

– А этого кто разукрасил? – кивнул на пленника Середин.

– Князь молвил: «Чего жалеть нехристя дикого», – пожал плечами Будута. – От и спросали его каты без снисхождения. Где рать поганая, каким числом, каковы помыслы хана торкского? Как к твердыням торкским идти сподручнее...

– Сказал? – любопытствовал ведун, присев рядом с запытанным степняком.

– Кто ж его знает? Я, боярин, харчеваться к котлам бегал.

– Ты... – неожиданно приоткрыл заплывшие глаза торк. – Будь ты проклят, сын блудливого шакала. Пусть ноги твои никогда не знают покоя, а душа пристанища. Пусть находят тебя враги в самых ласковых руках и безлюдных пустынях. Пусть семя твое никогда не прольется в лоно женщины, пусть...

Пленник закашлялся кровью.

– Не нравится в полоне быть? – поинтересовался Олег. – А знаешь ты, торк недобитый, что сородичи твои почти две сотни моих сотоварищей по походу прошлогоднему, сонным зельем опоив, в рабство караханидам продали?

– Русские и должны быть рабами, – скривил губы торк. – Так вам на роду написано; на нас работать, пока мы баб ваших брюхатим.

– Ну коли так, то вам на роду написано сгнуть всем до последнего, чтобы и на племя не осталось, – наклонился к самому уху пленника Олег. – Мы перебьем всех мужей от мала до велика и скормим свиньям, продадим мальчиков византийцам для гаремов, а женщин – вонючим латинянам и бриттам для ночных утех, засыплем колодцы, запашем требища, дабы и имени рода вашего в веках не осталось. Вот так аукнутся вам рабы русские, степняк. Коли добрыми соседями жить не умеете, будете соседями мертвыми. С нынешней зимы и до скончания веков. Ты меня слышишь, недобиток?

– Проклинаю... – опять захрипел торк. – Рабом тебе жить, рабом... – выдохнул он и затих.

– Проклятие мертвеца... – как снег побелел Будута. – Как же теперь будет?

– Никак, – выпрямился Олег. – Выкинь его из шатра и забудь. Не тебя ведь проклинали, чего трясешься? Лучше воды мне горячей найди и горчицы. Руки совсем не чувствую.

– Я про се князю Муромскому сказывал, – торопливо сообщил холоп. – Князь Гавриил повелел кланяться, завтра на пир звал да при мне отцу Амбросию наказал за здравие твое, боярин Олег, до утра молиться...

– Неуч ты, Будута, – усмехнулся ведун. – Нечто не знаешь, что молитвы без распаривания пользы не приносят? Давай, шевелись, пощипай княжеские закрома. Чай, не убудет от провозвестника христианского...

Олег скинул налатник и принялся расстегивать на боку крючки бриганты.

В этот раз с походом ему, можно сказать, повезло. Хотя началось все с крайне неудачного путешествия за Черниговским кладом. Тайну схрона князя Черного, как выяснилось, знало немало народа, и к реке Смородине вышло больше двух сотен ратных людей со своими боярами, да еще и с посланниками храма Сварога с острова Руян. Почти всех их и продал, опоив сонным зельем, торкам боявшийся конкурентов князь Рюрик. Не тот, знаменитый, а его тезка из Муромских краев.

Самой великой подлостью был даже не захват в полон: в руки врага попадают многие из честных воинов, – а то, что дружинников, как простой скот, продали в дальние земли, лишив их возможности освободиться, дать за себя победителям выкуп. Именно за это попрание всех норм человечности и нравственности шел сейчас мстить Муромский князь. Можно иногда победить русского витязя, захватить его, держать в неволе. Нельзя лишать его права на освобождение, права сообщить о своей беде родичам и откупиться от беды. Никогда не лишали такого права своих врагов русские князья – и того же требовали от соседей.

Как ни старались предатель и его товарищи, но запродать пленников так далеко, чтобы ни один не вернулся, не удалось. Жрецы Сварога, Олег и еще несколько человек выбрались на родные земли, горя жаждой мести, и той же осенью князь Рюрик отправился под родовым вымпелом с золотым соколом на белом фоне через Калинов мост, за которым с нетерпением ждали его многие почившие враги.

Отомстить торкам родичи обиженных призвали Муромского князя. Многие из пропавших пришли из его земель, рядом с его рубежами оказались владения Рюрика, в его вотчине проживали и главные свидетели: боярыня Верее и сам ведун, задержавшийся у нее в гостях почти на месяц.

Впрочем, главным аргументом оказался священный христианский крест. Как и большинство искренних новообращенных, князь Гавриил горел желанием нести свою веру язычникам, и дикие торки подходили для поднятия его славы как никто другой: родичей среди русских князей у них почти нет, никто не заступится, да еще подлостью невиданной степняки сами поставили себя вне закона. Руби – не хочу, никто слова поперек не скажет, совестью не попрекнет.

Для Олега же основной удачей стало то, что князь Муромский помнил его. Помнил свое приглашение и помощь ведуна в разгроме хазар. Оттого в детинце разместили Середина со всем уважением, потчевали только за княжеским столом, дали в прислужники курчавого веснушчатого холопа лет шестнадцати – поджарого, как гончий пес, и вечно голодного, как коккер-спаниель, – а в походе отвели крыло в богатом княжеском шатре. Не единоличные хоромы, разумеется, а вместе с еще двумя десятками избранных бояр и гридней – но и то уважение. В снегу, завернувшись в шкуру, ночевать не пришлось.

Попки княжеские, коих увязалось с ратью аж пятеро, поглядывали на странного боярина, никогда не крестящегося, не молящегося перед едой и

вроде не гнушающегося магией, с подозрением. Но Олег оставался тем самым человеком, что вместе со святым Каримандитом боролся с нечистью и сохранил его последнюю волю, который вместе с князем Владимиром принял от Византийского престола крещение и рассказал о нем во многих землях, в том числе и в Муроме. И потому ведуна предпочитали не задевать.

– Ну, чего стоишь? – поторопил холопа Олег, снова набрасывая на плечи налатник. В палатке хоть ветра и нет, а холодрыга – как снаружи. – Давай, шевели коленками.

– А кулеш горячий не подойдет? – предложил Будута. – Аккурат перед вечерней зарей для дружины варили...

– Мне руку распарить, олух, – вздохнул Середин. – Что же я ее – в кулеше стану греть?

– А че? Он горячий будет, как и надобно.

– Зачем продукт портить, Будута? Куда ее потом девать, кашу с горчицей?

– А я и съем, – охотно согласился холоп. – Нести?

– Воду! – повторил ведун. – И горчицу. Гляди, разозлишь – превращу в лягушку.

– Какая же лягушка зимой, боярин?

– Ты будешь первой. Где моя сумка?

– Да несу я, несу, – попятился холоп и выскочил за полог.

Припоминая слова заговора на исцеление костей, Олег еще раз внимательно осмотрел поврежденную кисть. Уж очень много в ней косточек, хрящей и сухожилий. Зачастую про перелом узнаешь, только когда он зарос давно, а тебе снимок руки понадобился. Хотя тут до ближайшего рентгена еще веков десять топать...

– Есть! – радостно заскочил в палатку Будута с дымящимся кожаным мешком в руках. – У кашеваров набрал! Они аккурат мясо закладывать сбирались. И вместо горчицы я с них перцу вытребовал для княжьего гостя. О, целую горсть дали!

– Олух ты, – беззлобно вздохнул Середин. – Мне же не суп варить, а руку парить. Ладно, давай. Обойдусь перцем.

Он растер несколько шариков перца между пальцами, кинул в горячую воду, немного подождал, чтобы он намок и утонул, помешал мизинцем, затем медленно погрузил руку в ведро. Торопливо забормотал:

– Встану я, Олег, до заката и пойду, где ветра богато. В чисто поле, во широко раздолье. В чистом поле, в широком раздолье лежит белый камень Латырь. Под тем белым камнем лежит мертвый богатырь. Не болят у него суставы, не щиплют щеки, не ломит кости. Разбужу я богатыря мертвого, покажу ему боли горькие. Ой ты, богатырь черный, богатырь вечный, не болят у тебя суставы, не щиплют щеки, не ломит кости. Так бы и у меня, Олега земного, не болело – в день при солнце, ночью при месяце, на утренней заре, на вечерней заре, на всяк день, на всяк час, на всякое время. Тем моим словам ключ и замок...

– Чародействуешь? – шепотом поинтересовался Будута.

– Пятерню грею, – поморщился в ответ ведун. – Жилы расширяются, кровь быстрее течет, раньше исцеление наступает. Огонь лучше разожги. А то стемнело уж, ничего не видно. И продых в потолок откинуть не забудь, задохнемся.

– Нешто я не понимаю! – обиделся холоп и побежал на улицу дергать нужные веревки. Да так и пропал.

Прогрев руку до ощутимой красноты, Олег спрятал кисть назад в рукавицу. Есть все равно не хотелось, поэтому он нащупал сверток со своей походной шкурой, размотал ее, потом закрутился, уткнувшись носом в густой медвежий мех, и отключился до того момента, когда его вытряхнули из дремы истошные вопли:

– Торки! Торки! Торки!!!

Мигом откатившись от стенки, Олег вскочил, схватился за саблю, щит... И охнул: клинок выскользнул из слабых пальцев. Ведун тихо выругался, в общей толпе выбежал из палатки.

Дозоры сработали безупречно: вражеская рать еще только нарастала на горизонте, а упрежденные дружинники уже стояли наготове – пусть и не совсем одетые, но с оружием в руках.

– Колчаны, колчаны несите! – слышались со всех сторон выкрики бояр.

Послышался тихий шелест, и у ног ведуна из утопанного снега внезапно выросло древко с белым тройным оперением. Потом что-то гулко застучало по подготовленным для княжеского очага чурбакам. Олег вскинул щит над головой, а шелест падающих стрел, нарастая, превратился в непрерывный зловеющий шепот. Слева впереди кто-то болезненно вскрикнул. Еще кто-то ругнулся за спиной. Верные своей излюбленной тактике, степняки стремительно проносились вдоль вражеского лагеря, забрасывая незваных гостей тучами стрел. Но столкнулись они на этот раз не с медлительной греческой пехотой или неуклюжими персами, а с теми, кто и сам с детства любил пострелять из лука воробьев, а в седло садился раньше, нежели толком начинал ходить. Дружинники, бояре, приближенные княжеские богатыри опустошали колчаны со стремительностью станковых пулеметов, успевая выпустить две стрелы еще до того, как первая долетала до цели. Особой точности не требовалось – по плотной конной лаве промахнуться трудно, и было видно, как то тут, то там катятся по снегу выбитые из строя всадники.

Русской рати доставалось куда как меньше: лошадей для дружины конюхи подвести еще не успели – скакуны паслись почти в двух верстах за лагерем, – а дружинники для стрелы цель неудобная: в шлемах, в кольчугах, в колонтарях. В отличие от Середина, снимать на ночь доспех почти никому в голову не пришло. Так что стреле разве сдуру в руку незащищенную оставалось ткнуться или ногу через штанину порезать. Как ни крути, а основная цель для лучников – кони.

Показалось – всего минута прошла, а атака уже закончилась. Бояре, тяжело дыша, опустили луки. Холопы принялись торопливо собирать вражеские стрелы – авось, сгодятся. Многие ратники устремились к бьющимся на снегу вражеским коням: кто из торков ранен остался – добить, кто мертв – обобрать. Стрелы собрать, опять же. Да и сами кони – парное мясо. Не поленишься – вечером наваристый бульон в котле забулькает, либо хороший окорок на вертеле над

огнем удастся запечь.

Впрочем, среди степняков потерь тоже почти не было – с полсотни пеших поганых, взмахивая полами халатов, убегали в степь. За многими возвращались товарищи, подхватывая на коня и сажая за спину. Никто не стрелял – колчаны на время опустели. Враги только переругивались издалека, предлагали помериться мечами, поминали родственников и животных. Но до прямой стычки дело не дошло.

– Не война, а конобойня какая-то, – вздохнул ведун, опуская щит. – Кто сражается – мы или лошади?

– Не скажи, боярин, – ответил какой-то дружинник. – Десятка три-четыре поганых мы повыбили.

– А лошадей – не меньше трехсот, – кивнул в степь Олег. – Эх, нет на вас зеленых человечков.

– Луговых, что ли? – не понял бородатый воин.

– Их самых. Пойду, оденусь. А то, чегой-то, не травень на улице.

Больше всего в здешних войнах Олег жалел именно лошадей. Люди хоть понимали, на что идут, ради чего жизнями рискуют и муку принимают. Коняги же несчастные просто теряли жизни по преданности своей людям и беззащитной доверчивости. Причем на каждого воина их погибало с десятков, не менее.

Впрочем, заботы ведуна тут не понимал никто, да и не мог понимать. Мясо здешние обитатели не привыкли покупать в магазине, да и кожу ради поделок разных тоже чаще всего сами добывали. А после того, как несколько раз собственноручно зарежешь на дворе милую ласковую скотинку, освежуешь да стушишь на зиму ее теплый бочок, поставишь в погребок в обвязанных промасленными тряпицами глиняных крынках – поневоле относиться к братьям меньшим начнешь как к ходячим консервам, с бонусом в виде мягкой шкурки и костей для поделок. С какой бы любовью ни относился дружинник к своему боевому коню, ратному товарищу и спасителю в жестоких сечах – а сожрет, чуть что не так, и не поморщится.

– Вертай, Радо, к пологу, завязки заледенели! – услышал перекличку прислуги Олег и заторопился назад в шатер.

Нужно было успеть одеться, схватить оставшееся оружие и прочие вещи до того, как княжеские холопы свернут хозяйскую палатку и отправят вперед, к новой стоянке. В головном отряде, известное дело, завсегда кашевары и наместники идут – чтобы к приходу основных сил успеть костры запалить, ужин сытный сварить, шатры и палатки для князя и бояр богатых поставить, очаги внутри запалить. Не в холодный же снег родовитым воинам спать ложиться!

Пока холопы сворачивали войлочные стены и складывали решетки каркаса, ведун только-только успел влезть в бриганту, с трудом застегнув здоровой рукой крючки, накинул налатник, скатал шкуру.

– Тут я, боярин, – наконец показался холоп, ведущий в поводу серединских коней. – А че, сеча без меня случилась? Глянь, стрелы торчат повсюду...

– Сам понимаешь, – пожал плечами Олег. – Углядели торки, что главный богатырь земли русской Будута великий к табуну за конями поскакал, да и решили удачу попытать, пока не так страшно.

– А че, – сдвинул овчинную шапку на затылок паренек. – Я бы не осрамился, святым Панкратием клянусь!

– Это кто такой? – поинтересовался ведун, отступая от шкуры. – Кинь узел чалому на холку, мне одной рукой несподручно.

– Болит, стало быть, боярин? Не помогли чары бесовские?

– Коли не чары, совсем бы отвалилась, – вяло возразил Олег. – Так что за святой, которым ты клялся?

– Ну, хороший святой будет, – заюлил холоп. – Бога славил, людям добрым помогал...

– И чем помогал?

– Всяко разно... Ну, батюшка наш, отец Панкрат, зазря бы имени такого не взял бы, боярин? Оно всяко ясно.

– Ясно, – согласился Олег, наблюдая как Будута увязывает сумки. – Стало быть, попом своим клянешься. Что ж, тоже неплохо. Тот, кому за тебя ответить – завсегда рядом.

– Нешто ты, боярин, меж святым и батюшкой разницы не понимаешь? – вроде даже обиделся паренек. – Святой – он ведь за ложь и покарать может. Оттого ими и клянутся...

Будута затянул подпруги и подвел ведуну гнедую. Середин уже привычным движением поднялся в седло, подобрал поводья. Хорошо все-таки холопа своего иметь. Все и увяжет, и заседлает, и лошадей из общего табуна приведет. Знай только подбородок держи повыше да щеки гордо надувай, дабы на прочих бояр походить.

– Ну чего застрял, блаженный, – весело прикрикнул на холопа ведун. – Айда, шевелись. Княжескую свиту нагонять надобно.

Рать уходила вперед, оставляя за собой обширный вытоптаный участок зимней степи с оспинами кострищ, ровными черными кругами вокруг них, да редкими кровавыми пятнами большей частью от зарезанных на ужин скакунов – кто-то из коней захромал, кто-то отек ногами, кто-то замучился коликками. Мертвое тело запытанного пленного торка покоилось на полпути между оставленной стоянкой и длинной полосой из красных пятен, конских костяков, полуголых человеческих тел – итогом утренней стремительной атаки. По другую сторону лагеря остался еще один след отдыха рати – разрытый местами до травы снег, россыпи коричневых катышей, кострища конюхов: здесь паслись кони муромской дружины. Лошадь – она ведь не мотоцикл, не машина и не танк; ее на ночь не заглушишь и рядом с палаткой не оставишь, у нее тоже свои естественные надобности имеются, которым среди многотысячного лагеря не место.

Дружина уходила дальше, разбросав в стороны стремительные дозоры, выпустив на много верст вперед головной полк, готовый либо встретить врага и связать боем до подхода главных сил, либо разбить новый лагерь, сэкономив для отдыха дружины лишний час. Уходила, вытянувшись в две широкие колонны по обе стороны от обоза со съестными припасами и фуражом, лубками, с

запасенным в огромных мешках целительным болотным мхом, с сотнями щитов, что трескаются, расползаются на ремнях, разлетаются в щепы чуть не после каждой стычки.

Свой обтянутый тонкой яловой кожей и расписанный пятью мальтийскими крестами – символами всех сторон света – деревянный диск ведун не зря оковал по краю толстой железной полосой. Тяжело и дорого – но и хватало такого щита на добрый десяток стычек. Для одинокого путника, что не может менять оружие по пять раз за схватку – аргумент немаловажный.

– То-о-рки!!!

– Проклятие! – Олег, который на этот раз был не одиночкой сам по себе, а шел в составе общего войска, схватился за саблю и тут же скривился от боли. Нет, сегодня он явно не боец. Только щитом прикрываться и способен.

– Я тут, боярин! – моментально востроился Будута. – Звал, боярин?

– Толку с тебя...

Глядя на накатывающуюся с востока темную массу, ведун не спеша снял с луки седла щит и поставил краем на колено, прикрывая тело и конскую шею. Справа и слева защелкали тетивы, навстречу степнякам взмыли, исчеркивая небо тонкими штрихами, тысячи стел. Почти сразу навстречу вспорхнули тысячи их сестер. Олег вскинул щит над головой – и почти сразу в него дважды ударили граненые наконечники, острые жала которых выглянули с внутренней стороны почти на ширину пальца. Кому-то по ту сторону обоза повезло меньше, и он, хрипло вскрикнув, сполз с седла на землю. Впереди, жалобно заржав, понеслась лошадь, еще одна рядом забилась на месте, высоко вскидывая задние ноги. Сидевший на ней дружинник после третьего скачка вылетел через голову скакуна. Слева пегая лошадка просто тихо упала на землю, придавив ногу не ожидавшему такого всаднику. Воин отчаянно ругался, взмахивая тугим двугорбым луком – то ли от бессилия, то ли от боли.

– Ур-ра-а-а! Ур-ра-а-а!!! – От воинской колонны оторвались две плотные массы сотни по три широкоплечих богатырей и не использующих луки варягов, ринулись степнякам навстречу, опустив рогатины и склонив головы к конским шеям. Олег на миг охнул, поразившись отважному безумству, но тут же сообразил: все

стрелы торки уже выпустили по воинской колонне, и теперь остановить копейный удар способны только такой же встречной атакой. А степняки, известно, прямой сечи побаиваются.

Так и есть – черная плотная лава отвернула, уносясь обратно в степь и оставляя под копыта кованой рати около полусотни своих лишившихся скакунов товарищей. Некоторые пешие торки разворачивались, вскидывали щиты, над которыми выглядывали блестящие кончики мечей, некоторые с криками предсмертного ужаса пытались убежать от откормленных русских скакунов – участь и тех, и других была одинакова. Конные сотни промчались, не сбрасывая хода ни на шаг, и после них осталось лишь кровавое бездыханное месиво.

– Похоже, счет опять не в пользу торков, – подвел приблизительный итог Середин. – Наши раненые и безлошадные остаются при нас, а поганых добивают поголовно. Это не считая стрел, что тоже нам достаются. Ладно, посмотрим, что дальше будет. Сейчас они припасы стрел у своих обозов пополнят да снова появятся.

– Не появятся, боярин! – гордо вскинулся Будута, разглядывая рассеченный стрелой от пояса до самого низа подол тегияля. – Она, как мы им дали! До света ныне бояться будут!

Олег только хмыкнул в ответ – и оказался прав. До сумерек торки налетали еще три раза, теряя скакунов и людей, расстреливая десятки тысяч стрел, спасаясь от встречных атак, причем не всегда успешно. Два-три десятка коней с перекинутыми через седла мертвыми степняками дружинники все-таки привели. Но все, чего смогли добиться поганые – это задержать движение колонны на полчаса-час, пока пешие воины меняли раненых или убитых коней на свежих из заводного табуна.

Тем не менее, вместо традиционного пира князь Гавриил созвал вечером военный совет, состоящий, впрочем, из завсегдаев всех пиршеств: воевода Дубовей, трое попов с постными лицами, трое любимых княжеских богатырей, молчаливых, но одним своим видом способных усмирить самого ярого задиру, десяток родовитых бояр – за каждым из них стояло не меньше сотни вооруженных холопов, – пятеро дружинных тысяцких и два десятка сотников. Воеводу и нескольких сотников Олег еще помнил после прошлого своего приезда в Муром, но остальных не знал, а потому предпочел помалкивать, присев за спинами воинов на чурбачок недалеко от входа в шатер. Кроме него, в

походных княжеских хоромах сидели только двое: сам князь на резном складном табурете да птица Сирина на его родовом вымпеле. Впрочем, ныне при дворе птицу сию предпочитали называть Фениксом.

– Рубить надобно нехристей! – горячо доказывал князю молодой, с еще только пробивающейся бородкой воин. Судя по тяжелой золотой цепи на шее, несколькими массивными перстнями и кровавому бархатному подбою бобровой епанчи – боярин не из последних. – Ныне каждый узреть мог: ако цыплята от коршуна, поганые от нас разбегались, ако неразумные овцы пред клыками волчьими, падали! Гнать их надобно, обрушиться дланью господней, да и побить всех единым махом, дабы и помыслить не могли противиться воле твоей, княже. Одолеем торков в горячей сече – славу себе добудем великую, а тебе, князь Муромский, победу.

– Где ты их в степи-то сыщешь, боярин Александр? – недоверчиво покачал головой воевода. – Они ведь – как ветер. Вроде и рядом он завсегда, да ни в жизнь не поймаешь.

– За день четыре раза торки обернулись. Стало быть, и лагерь их недалече, час пути на рысях, не более. Дай мне пару тысяч, княже, и я тебе до вечера привезу голову их хана и весь обоз походный...

– Да не лагерь там, а сани со стрелами, – не выдержав, вмешался Олег. – Бросят степняки сани эти не жалеючи, и гоняйся за ними неведомо где. Неужели непонятно: заманивают они нас, с пути сбить хотят, заставляют в догонялки бесполезные играть...

Середин поспешно встал, пока его не попрекнули столь грубой невежливостью.

– А, это ты, боярин? – вскинул голову князь. – Как же, как же, поминали тебя намеренно за службу честную. Так каково мнение твое о набегах торкских?

– Я с тобой не ради славы ратной пошел, княже, – придвинулся ближе ведун, раздвигая сотников плечом, – а ради мести. Мести за сотни товарищей моих, что обманом в рабство были проданы. Коли на рать торкскую повернешь – разбегутся они, трусость степняков всем известна. Славу получишь, князь, да ничего более. Опять разбойничать торки станут, кровушку русскую проливать, холопов твоих в неволю угонять. Не славу искать нужно, а логово народца

поганого. Выжечь его начисто, как язву гнилую, и дело с концом. Донесли ведь люди торговые, где торки город свой прячут. Вот на него идти и надобно! Захотят остановить: пусть на пути встают, грудью заслоняют. А стрелы пускать любой сайгак может, не след на это внимания обращать.

– Не русское это дело – с бабами да детьми воевать! – возмутился боярин. – Нашему духу потребно в чистом поле с силой воинской схлестнуться, а не к чужим сундукам тащиться, от вызовов ратных хоронясь.

– Вестимо, боярину Александру ведомо, что я токмо левой рукой ныне биться способен, – спокойно произнес Олег, – коли он прилюдно трусливой нерусью меня называть отваживается. Однако же с подобным молокососом я и одной левой управлюсь, коли князь спор божьим судом разрешить дозволит.

– Я ради такого дела клятву принесу правую руку в споре нашем не применять! – заносчиво выкрикнул юный боярин.

– Нет в том нужды, – неожиданно пригладил широкую бороду воевода. – Пока гость наш немощен, я за него в суде божьем выступить готов.

– Прости, Дубовей, – возразил один из богатырей, имени которого ведун даже не знал, – но твое дело – полки водить. Спор же за ведуна Олега я готов разрешить.

Молодой боярин побелел, как зимняя степь, и, кажется, даже сглотнул. Похоже, он не знал, что именно Олег Середин три года назад спас Муром от хазар, найдя тайный лагерь разбойников, а потому заступников у него в здешней дружине хватало.

– Оставьте, други, – взмахнул рукой князь Гавриил. – Ныне у нас один враг. Вот против него мечи и точите. Свар в дружине своей я не потерплю! Однако же, боярин Олег, откель проведал ты о том, кто тайну логова поганого мне открыл?

– Случайно угадал, княже, – низко склонил голову Середин, пряча от здешнего правителя улыбку.

Тоже, секрет Полишенеля – кто главный шпион в чужих землях, кто тайные дороги разведывает и каждое кочевье с лотком торговым всунется? Купцы,

естественно, кто же еще! Они и товары продают и секреты чужие, и свои тайны по сходной цене сдать могут. А главное – никуда от них не денешься. Знаешь, что шпионят, а никуда не денешься. Без торговли ни одна страна долго жить не может, и казна без людей торговых скудеет.

– Впрочем, сие ныне не важно, – вполне разумно потер подбородок князь. – Главное, ведомо нам где торки в зимние месяцы отсиживаются, куда баб своих на время набегов прячут. Так куда коней справим, други? В логово поганое – баб вязать – аль в поле, для честной сечи, потехи кровавой? Ты как мыслишь, отец Серафим? Какой совет мне дашь в имя Господа нашего, Иисуса Христа?

Воины замерли, ожидая ответа далекого от ратного дела старца. Тот, одетый, несмотря на холод, суконную, грубого плетения рясу, погладил черный маслянистый посох, пожевал губами, отчего длинная седая борода затряслась, и свистящим шепотом изрек:

– Мыслю я, княже... Славы своей в поле чистом искать и кровь лить неведомо где – есть гордость пустая и богопротивная. Не о славе мыслить тебе надлежит, а о единовержцах своих, что в тяжелой неволе у нехристей в застенках таятся, что токмо на божью помощь в молитвах своих уповают. К ним иди, княже. В логово поганое, к капищам языческим. О благе ближних своих помни, княже, а не о своей гордыне. Ее сколько ни тешь, все мало...

– Да будет так! – поднялся с походного трона Муромский князь, широко перекрестился, поклонился собравшимся воинам. – Не своей славы ищем, а ради покоя земли русской и к славе христовой труды свои кладем. К логову степному далее шагаем. Сече с горками по нашему почину не бывать!

– Это верно! Правильно, в берлоге медведя бить надобно, а не по чаще за ним бегать. Нечто мы собаки – на каждого пустобреха кидаться? Гнездо разорим, и воронья не станет... – По рядам собравшихся мужчин пронесся вздох облегчения. Теперь, когда вопрос был решен, и для всех наступило время определенности, избранный путь казался самым верным и разумным.

– Эй, Стефан, – крикнул князь, падая обратно на трон. – Что гостей моих голодными держишь? Истомились все с дороги да с трудов. Нечто кашевары угощения наварить не успели? Неси!

Тут же появились холопы в овчинных зипунах с желтым шнуром, сноровисто раскатали на плотно утоптаный воинами снег толстую, в три пальца, войлочную кошму, поверх начали бросать короткошерстные розовые с сине-зеленым рисунком ковры. Гости, поначалу отпрянувшие к стенкам, вернулись к середине, начали рассаживаться от очага к трону.

– Боярин Олег, – подманил ведуна князь. Холоп, коего я к тебе приставил, вчор уверял, голыми руками ты поганого в полон захватил да двух еще поразил до смерти?

– Почти что так и было, княже, – кивнул Середин. – Токмо после подвига сего у меня рука так отбита, что и сабли поднять не могу.

– Однако, – покачал головой муромский правитель. – Немало богатырей на службе моей побывало, но такого я ни про кого еще не слышал. Как же тебе это удалось?

– Легко, – скромно ответил Олег. – Первого на скаку аккурат в челюсть прямым уложил, второго окантовкой щита поймал, третьего... Третьего не помню. Со страху, видать, помер, все это увидев.

– Молодец! – от души расхохотался князь. – Слухи про тебя ходят всякие, и в плечах твоих косой сажени не наберется, но воин ты, вижу, добрый. От врага не бежишь, удача тебя любит... Иди на службу ко мне, боярин. Платой не обижу, поместье дам на землях урожайных, тысяцким зараз поставлю. Воеводой, помню, ты мне ужю послужил, не испугался.

– Да надолго не хватило меня, княже. Прости, но скитание, видать, на роду мне написано. Не дал Бог ни дома, ни двора, ни жены с детишками. Нам ли, смертным, супротив его воли идти?

Ведун специально намекнул новообращенному князю на единого бога, и правитель отступил, не стал гневаться на строптивного гостя:

– Гляди, боярин. Попросишься – поздно будет.

– Ужель не возьмешь, коли проситься начну, княже? – преувеличенно удивился Середин.

И муромский правитель махнул рукой:

– Ты прав, боярин, возьму. Ладно, броди. Как утомишься, приходи. При моей дружине завсегда место найдется. – Князь пошарил у себя на поясе, отцепил небольшой мешочек, протянул ведуну. – Вот, держи, калика переходжий. Полонянина твоего я вечер ради дела общего опросил с пристрастием. Подозреваю, ныне он ни на что более не годен.

Олег молча кивнул, сунул кошель за пазуху.

– И о руке своей не грусти. Коли Бог торкское логово захватить поможет, равную долю со всеми дружинниками получишь.

Середин опять с достоинством кивнул, но благодарить не стал.

– Не хмурься, боярин, – поднял золотой кубок с самоцветами князь. – Ну да, долю я тебе не боярскую, а ратную определил. Так ведь ты холопов с собой в поход не привел, сотню под руку брать отказываешься. Откуда более?

К этому времени холопы успели развернуть длинное шелковое полотнище, заменяющее стол, поставить на него кувшины с вином и с медом, разнести деревянные и серебряные блюда с вареными половинками цыплят. Перед князем Гавриилом двое слуг водрузили опричное блюдо с копченой осетриной, нарезанной крупными кусками. Муромский правитель потянул верхний, передал ведуну:

– Вот, отпробуй угощения с моего стола, боярин Олег, да оставь грусть свою снаружи.

Это уже была честь. Опричное угощение, в отличие от всего прочего, что каждый желающий мог брать, сколько душа попросит, ставилось хозяину дома, и тот оделял им отдельно тех, кого желал, в знак особого уважения, почтения, выражения благодарности. Получив из рук Гавриила этот кусок, Олег переходил из «общей массы» княжеского окружения, многих из которого правитель и вовсе

не знал, а привечал лишь ради рода или вежливости, в число особо отмеченных друзей. Личных друзей.

– А давайте, други... – Ведун потянулся к поставленной перед ним деревянной, покрытой черным лаком чаше, но ближний холоп с ловкостью опытного иллюзиониста ухитрился подменить ее серебряным кубком. – Давайте, други за князя нашего Гавриила корцы наши поднимем. Князю, что первым веру Христову на Руси принял, меч в ее защиту поднять решился, что главным заступником для слабых стал и судьей честным для обиженных. Слава!

– Слава, слава!!! – с готовностью подхватили гости, отирая бороды и усы от куриного жира, чтобы тут же обмочить главное мужское украшение вином или медом.

Олег осушил свой кубок, поморщился – холопы, оказывается, наполнили его вином. Потом махнул рукой: ему-то чего беспокоиться? Это боярам к своим шатрам возвращаться надобно, сотникам к отрядам уходить. А у него место здесь, в шатре. Как устанет – к стенке отползет да в шкуру завернется. И все дела. Главное – мед с вином не мешать...

На этот раз он сам наполнил свой кубок, неторопливо разделал жирную, сочную осетрину, оставив на ломте хлеба хребет и куски румяной шкуры, потянулся за половиной курицы, но передумал, взял из чаши несколько соленых огурцов. Кивнул сидящему напротив священнику, истребляющему курятину:

– Разве не пост сегодня, батюшка? Бог мясным потчеваться не запрещает?

– Бог милостив, – смачно обгрыз хрящик слуга Христов. – Путников, людей на службе ратной, а также недужных от поста освобождает. Так что кушай, сын мой, не смущайся.

Олег недовольно поморщился, признавая, что попик его таки «умыл», съел еще огурец, запил полным кубком вина и ухватил куриную полть, пока блюдо окончательно не опустело. Однако не успел он запустить зубы в чуть теплое нелепое мясо, как сзади послышался шорох, и в самом ухе прозвучал вкрадчивый шепот Будуты:

– Боярин, боярин, тебя дружинники кличут, что наемни в дозор с тобой ходили. При мечях явились...

– А как еще они в походе явиться могут? – Ведун положил курятину на хлеб, выпил вино и, чуть привстав, поклонился князю: – Дозволь отлучиться ненадолго? Сказывают, надобность во мне появилась.

– Смотри, – притворно погрозил ему пальцем муромский правитель. – Мне на службу не пошел. Коли кому другому согласишься пособлять – обижусь.

А может, и не притворно, может, вполне серьезно предупреждал. Олег согласно кивнул и начал пробираться к выходу.

На холодном ветру его поджидал рыжебородый дружинник и один из его товарищей. Утерев рукавицей усы, бородач кашлянул, чуть поклонился:

– Здрав будь, боярин. Мы тут с сотоварищи с дуваном посидели. Так мы порешили серебро, у юрков мертвых взятое, раненым отдать да женке Повислава отвезть. Им с добром возиться несподручно. Посему из прочей добычи тебе, как старшему, две доли отвели. По раскладу конь и снаряжение воинское причитается. Вот...

Дружинник кивнул товарищу, и тот подвел ближе лошадь, которую держал в поводу.

Вот он, один из главных поводов к большинству войн: добыча! Чтобы купить доброго коня, крестьянину здешнему года два работать надобно, а то и все три. Клинок добротный раза в три дороже обойдется. Еще упряжь, набор поясной, броня, пусть и простенькая, стеганая, лук роговой... За все вместе – целую жизнь копить понадобится. А тут: минутная стычка – и ты стал богачом. И хотя все знают, что в походах случаются потери, что из десятка зачастую один, а то и двое в чужой земле лежать остаются, что иногда рати поражение терпят и можно самому в чужой полон попасть – но каждый надеется, что погибнет другой, а разбогатеет – именно он; что проигрывают сражения без него – а он обязательно окажется в числе победителей. Потому-то, что ни поколение, приходят в княжеские дружины добровольцы из ремесленных слобод, бросают пашни крестьянские дети и продаются в холопы, потому с готовностью платят кровью за свои поместья бояре, по первому княжескому призыву поднимаясь в

седло. Добыча! Несколько месяцев риска – и мощна набита серебром и золотом, в хозяйстве трудятся послушные невольники, в опочивальне дожидаются ласковые девственницы... Разве устоит перед таким соблазном хоть один мужчина, способный носить оружие?

«Вот почему все так обрадовались, когда князь решил на торкский город идти! – внезапно вспомнил ведун. – В чистом поле, в кровавой сече, кроме славы и ран, ничего не получишь. Лошади, доспехи, обоз – это копейки. Вот город – цель достойная. За высокими стенами твердыни всегда можно взять настоящую добычу».

Рыжебородый опять кашлянул, и Олег спохватился, взял у дружинника поводья скакуна:

– Благодарю за уважение, други. Спорить не стану, раненым серебро важнее. Правильно решили.

– Уж не обессудь, что на дуван не звали, боярин, – обрадовался рыжебородый. – Нам в шатер княжеский так просто не заглянуть.

– Ничего, – отмахнулся ведун. – Знаю, вы люди честные. Иных в дружине муромской не бывает.

Воины, опустив головы, коротко переглянулись, и Олег понял, что его в чем-то все-таки обманули. То ли утаили часть добычи, то ли всучили то, чего прочим негодным показалось. Однако затевать свару из-за рухляди ему не хотелось. Тем более, шел он в поход не за добычей, а за мстью. И все-таки...

– Вы крещеные? – неожиданно спросил ведун.

– Да, – кивнул рыжебородый.

– Князь Гавриил иных в дружину более не берет, – добавил второй.

– Это здорово. – Середин неторопливо размотал тряпицу на левом запястье, продемонстрировал серебряный крестик, после чего зачерпнул снега, сжал в кулаке и вогнал сверху крест:

– Во имя Отца, и Сына и Святого Духа. В святых землях, на христовых тропах стоят горы Сиенские. Подножие их от жары течет, вершины их от холода каменеют. Лежит снег на Сиенских горах. Для ветра пыль, для ратника русского снег, для стали вражеской лед толстый, лед непробиваемый. Не взять люда этого ни стреле поганой, ни мечу каленому, ни копьё быстрому. Отныне, присно и вовеки веков... – С последними словами Олег поймал падающие из кулака капельки талой воды, начертал на лбах дружинников маленькие крестики. – Вот, мужики. Лоб маленько пощиплет, но это нормально. Отныне вы для оружия неуязвимы станете, коли его не христианин держит. Только сильно на заговор не полагайтесь, никогда не знаешь, с кем в бою столкнешься. Можете остальным с десятка своего сказать, я и для них защитный заговор сотворю. Ну прощайте, мужики. Будута, коня в табун отведи. Нечего ему тут делать.

Олег развернулся и, довольный собой, вошел обратно под полог княжеского шатра. Заговор дружинникам, само собой, поможет, но и совесть их погрызет изрядно, коли и вправду обманули. Тех, кто добро тебе творит, обманывать ох как тяжело. Если ты не погань какая, конечно.

Вернувшись на свое место рядом с князем, Середин понял, что главные события пира прошли мимо него. На опричном блюде осталось всего два сиротливых кусочка осетрины, прочие подносы тоже опустели, часть кувшинов откровенно лежали на боку. Пока ведун доедал свою курицу, прозвучали еще две здравицы за князя и его детей, после чего бояре и сотники начали расходиться. С воеводой, ближними товарищами и богатырями муромский правитель опрокинул еще по чаше стоячего меда – ведун волей-неволей вынужден был нарушить зарок и смешать-таки вино с медом, – после чего холопы пошли вдоль стен тушить масляные светильники.

В скупом свете очага богатыри стали укладываться вокруг княжьего полога, Середин отступил к противоположной стене, выискивая сверток со своей шкурой.

– Отвел, боярин. – В полумраке Олег скорее угадал, нежели узнал Будуту. – Добро в обозе скинул, зарок взял, что не спутают, коня табунщикам отвел. Добрый конь, ей-богу, боярин...

Холоп на миг исчез в сумраке, а когда появился вновь, во рту у него уже похрустывала какая-то косточка.

– Славхруобехрулось, – чавкнул он. – Р-рам-м... И скакун с ням-ням, тсюп-тсюп...

– Прожуй сперва, – повысил на него голос Олег, но вспомнил, что холопам никакой доли от добычи не полагается. Коли сам себя кому-то в неволю продал, то и прибыль хозяину принадлежал, а не рабу, пусть и добровольному. Разумеется, того, что холоп в сече с врага снимал или при разорении селения ухватывал, у него никто не забирал – но в дележах его никогда в расчет не принимали. Вот и страдает бедолага, чужое добро пересчитывая.

Ведун сунул руку за пазуху, нащупал подаренный князем кошель, вытянул из него несколько монет – так чтобы на них попал свет углей. Так и есть, серебро! Не балует княже верных слуг своих, не балует.

– Ты чего, боярин? – насторожившись, разом проглотил все, что было во рту, холоп.

– На вот, выпей за мое здоровье, как в Муром вернешься, – пересыпал монеты ему в ладонь Олег. – За службу, так сказать, храбрую. Только шкуру мою сперва найди. Куда сунул?

– Сей миг будет, боярин, – засуетился холоп. – По правую руку лежала... А, вот она... Вот, укладывайся, боярин. Сладких тебе снов...

Урсула

Ушибленная рука упрямо не желала набирать силу. Пальцы хотя и слушались, сжимаясь и разжимаясь на рукояти сабли, но клинок не удерживали – оружие выворачивалось из кулака, как из кома сырой глины. Волей-неволей, из участника похода Олег стал в нем простым зрителем.

Два дня подряд торки волнами накатывали на муромскую ратную колонну, без счета осыпая ее стрелами. Дружина отвечала столь же обильным смертоносным дождем и лихими наскоками кованой конницы. Потери с обеих сторон исчислялись уже сотнями, коней никто уже не торопился свежевать на мясо – убоины хватало с избытком, не сожрать.

Середин начал опасаться, что война идет на истощение табунов и закончится лишь тогда, когда люди пойдут пешком, но к полудню третьего дня впереди внезапно открылось обширное городище, размерами мало уступающее той же Рязани. Вот только стены «подкачали»: хотя земляной вал и возвышался на высоту пятиэтажного дома, поблескивая толстым ледяным панцирем на склонах, но укрепление по гребню его шло чахлое – обычный частокол.

Видать, с лесом в здешних краях было тяжеловато. Хотя рощи среди степной равнины войску на пути все-таки попадались. Но, видать, либо лес был плохой, либо берегли его торки для некой иной нужды. Ворота находились на высоте примерно середины вала – к ним вела насыпь, обрывающаяся на расстоянии примерно двадцати метров. Судя по свежим следам, последний участок перекрывался длинным помостом, который горожане просто разобрали и хозяйственно унесли внутрь, рассчитывая восстановить после войны. Сами ворота тоже покрывала ледяная корка, причем жители еще продолжали лить воду из бойниц над ними.

Сгоряча воины первых сотен с ходу попытались забраться на вал – но, естественно, скатились, как с детской горки, осыпаемые одновременно оскорблениями, насмешками и редкими пока еще стрелами. Дружинники отошли, громко обещая скоро вернуться и отрезать насмешникам языки. Потерь среди них не оказалось: осажденные еще не взялись за воинское дело всерьез. Как, впрочем, и муромцы.

Два дня ушло на обустройство лагеря. За неимением других строительных материалов, стены были выстроены из телег и саней, составленных вплотную одни к другим, возле трех выходов расположилась стража по две сотни мечей в каждой. Хотя, конечно, главную защиту составляли не они, а уходящие каждое утро, в полдень и вечером дозоры, что обязаны заметить врага на дальних подступах и предупредить главные силы. Ведь тот же табун с лошадьми походными стеной не обнесешь – его только увести можно, коли вовремя про беду узнаешь.

Палаток и юрт в лагере прибавилось почти втрое.

Оказалось, что многие бояре – из тех, что победнее, – и даже дружинники тоже везли с собой походные дома, просто не теряли время на их сборку при каждом привале. Запылали костры: пришлые чужаки чахлые торкские рощи не жалели, сводили под корень на дрова и прочие нужды. Например – вязали из веток объемистые, в два человеческих торса, фашины. На это занятие ушел еще день –

а там начался уже собственно приступ.

На рассвете, когда князь еще только вскинул руки, давая холопам возможность затянуть узлы колонтаря с наведенным на пластины чернением, за пределами шатра дружно взвыли десятки труб. Олег, пользуясь тем, что при особе правителя никаких обязанностей у него нет, выскользнул наружу и увидел, как сразу с двух сторон к городу мчатся сотни воинов с перекинутыми за спину щитами, сжимающих в руках не мечи или лестницы, а вязанки с хворостом.

Сверху посыпались стрелы – со стороны русских войск, из-за поставленных на ребро щитов, начали отвечать муромские стрелки. Их было намного меньше, чем степных, но зато все – отборные мастера. Лук ведь каков? Чем сильнее стрелок, чем тверже его рука – тем дальше и точнее стрела летит. Посему хоть торки и били сверху вниз, но большого преимущества перед врагами не получали.

Впрочем, сколько степняков удалось выбить за несколько часов схватки – Олег не видел. Поди угадай за толстым тыном! Главное, что среди нападающих потерь было меньше полусотни дружинников, да и те – легко раненные. На пути к валу воина прикрывал толстый пук ветвей, на обратной дороге – повешенный сзади щит. Так что простой мишенью муромцы отнюдь не были.

Вскоре после полудня справа и слева от ворот города выросли груды хвороста высотой в два человеческих роста.

– Во имя Господа нашего, – широко перекрестившись, дал отмашку князь Гавриил, и к кучам хвороста просвистели по десятку стрел с подожженной паклей возле наконечника.

После этого русские отступили от города на безопасное расстояние – чтобы стрелы не доставали. На стенах же слышались тревожные крики, потом вниз покатались переброшенные через тын крупные камни, неопрятные глыбы непонятно чего, снежные комья.

– Льдом забрасывают, – негромко пояснил воевода Дубовей.

От груд хвороста слышалось злобное шипение, языки пламени утонули в клубах густого белого пара. Изменить люди ничего не могли, поэтому оставалось только ждать. Минут десять-двадцать все оставалось затянуто белой

пеленой, а когда она наконец рассеялась, стало ясно, что торки на сей раз победили: вместо жарких костров у нападающих получились жалкие, кое-как чадающие кучи, полузакопанные глиной и снегом.

Не скрывая разочарования, дружинники потянулись в лагерь, и утешением было только то, что никаких оскорблений защитники им в спины не кричали. Видать, и сами выдохлись изрядно.

Уныние, казалось, распространилось на всех – вечером князь даже не устроил обычного пира. Но, как после выяснилось, он просто был крайне занят.

Ночью громкие крики и алые отблески на пологие заставили Середина вскочить, опоясаться саблей. Княжеский шатер был совершенно пуст, а когда ведун выскочил наружу, то увидел, как под стеной города полыхает огромный, выбрасывающий языки пламени до самого частокола, костер. Сверху в него что-то падало, текло, но бесполезно – такое пламя уже так легко не затушишь. Торки проспали свой город: успокоив их неудачей дневных штурмов, муромский князь, как оказалось, смог подготовить и провести удачное нападение в ночной темноте.

Защитники города орали, словно им подпаливали пятки, и крики были слышны даже в лагере; они валили через частокол мерзлую землю и заготовленный заранее лед – муромцы подносили и метали в пламя бревна, чурбаки, легкие поленья, наколотые для лагерных очагов. Никто не стрелял: в темноте врага все одно не разглядеть – пляшущие, то проседающие до земли, то взметывающиеся до небес языки пламени тут не помощники. В них скорее духов и призраков углядишь, нежели человека. Война шла за огонь – и тут русская рать одерживала безусловную победу.

Гигантский костер опал только к рассвету, а угли прогорели и вовсе после полудня. К этому времени дружинники успели соорудить из тонких бревен щиты со множеством кожаных петель с внутренней стороны, снаружи обили их кожей, которую обильно полили водой и забросали поверх снегом. Едва подостыли угли у стен, воины ринулись вперед по раскаленной, пышущей жаром земле. И опять из-за тына покатались на них камни, бревна, ледяные глыбы, полетели стрелы – совершенно бесполезные против несущих толстые щиты муромцев.

К вечеру, несмотря на старания защитников города, ратники выставили в два слоя сколоченные из бревен щиты, подперли их кривыми столбами из изобильно растущей в ближней рощице черемухи и накидали сверху снега, в котором с бессильным шипением тонули падающие сверху горящие смоляные бочонки и кипы сена.

Работы не прекращались и ночью – утром любой желающий мог увидеть груды земли, что успели добыть розмыслы из оттаявшего вала. Люди работали споро, сменяясь каждые два часа под прикрытием обычных дощатых щитов. Торки обильно засыпали каждую смену стрелами, но смогли подранить только двух ратников. Да и то лишь поцарапали – порошком из растертых цветков ноготка засыпать и забыть.

В середине дня над городом взметнулись черные клубы, что бывают лишь от больших охапок перегнившей старой соломы, брошенных в огонь.

«Сигнал! Это сигнал!» – сообразил ведун, соображая, куда бежать и кого упреждать о неминуемой опасности. Однако христианское воинство поняло все и без его подсказки. Запели в лагере трубы, зашпешили на тревожный призыв дружинники, холопы и бояре, и лишь Середин со своей некстати зашибленной рукой опять остался всего только зрителем в центре театрального зала.

Хотя нет – не зрителем и даже не болельщиком. Ведь от исхода жесточайшей сечи, что возникнет на следующий день между торками и муромской дружиной, зависит и его судьба. Разгромят пришельцев степняки – и вместе с прочими ранеными, старыми советчиками, увязавшимися за ратью продажными девками и фенями его порубят с восторженными криками победители либо продадут в неволю каким-нибудь персам или арабам. Одолеют муромцы – и судьба разбойничьего степного племени окажется решена навсегда...

Он нервничал, хватался слабой рукой за клинок, метался меж юрт и палаток по лагерю – но даже примерно не представлял, что творится всего лишь в версте на восход от города – там, куда по призыву примчавшегося на взмыленном коне гонца ушли русские полки. Лишь пение труб, лязг железа, громкие вопли ярости и боли, возвращающиеся ежеминутно окровавленные воины – все вместе взятое доказывало, что битва разразилась не на жизнь, а на смерть, пощады никто не просит и никто ее не намерен дарить...

– Бегут... – Эту весть привез тяжело раненный, престарелый витязь, въехавший в лагерь на посеченном коне и буквально упавший на руки Олега.

Середин поначалу даже не поверил, что ему сказали правду, и лишь много позже сообразил: тот, кто здоров или даже легко ранен, назад с таким сообщением не поскачет – вместе со всеми будет гнать и добивать разгромленного врага.

И только глубокой ночью веселые, счастливые, орущие всякие несуразицы дружинники подтвердили радостное сообщение. Во тьме врага стало невозможно разглядеть даже в упор, и потому большинство ратников повернули усталых коней назад, к лагерю.

– Ну и дали мы им, боярин! – захлебываясь от восторга, рассказывал вечером раскрасневшийся, словно после бочонка хмельного меда, Будута. Они, поганые, обойти город, видать, собрались. Туда, к закату ратью шли. Да воевода наш, Дубовей, недаром хлеб княжеский ест. Как повел всех прямо на поганых, как повел! Те поначалу утечь, как всегда, собрались. Но, видать, помутнение некое на них спустилось. Развернулись разом, да сразу с трех сторон на нас с пиками и навалились! Я помыслил, задавят меня вусмерть. Со всех сторон крики, лязг, топоры мелькают, рогатины ломаются. Веришь – головы и куски рук, еще шевелящиеся, надо мной пролетали! Дружина княжеская вперед шла, аки медведь через собачью стаю. Вся земля кровью напитана, аж снег стаял! Поганых столько нарублено – копыто коню поставить некуда! И дрогнули торки, прыснули в стороны, как грачи от камня брошенного. И мы пошли, пошли все дружно, навалились со всей силушкой за землю русскую, за веру христианскую! Я сам, самолично двух поганых срубил. Как дам рогатиной – и насквозь!..

Растирая предательницу-руку, не пустившую его в общий строй, Олег сделал поправку на то, что поставленный в легком вооружении в задние ряды строя холоп наверняка ничего не видел, и, полагаясь на свой опыт пребывания в этом жестоком мире, смог примерно восстановить картину битвы.

Степняки, начиная решительную битву, скорее всего, использовали свой любимый прием: притворным отступлением заманить врага в засаду, внезапно навалиться со всех сторон, посеять панику, а потом добить убегающих пришельцев, прижать их к пока еще неприступным городским стенам, вырезать всех до последнего... Потому и «навалились сразу с трех сторон» – это была попытка окружения. Правда, муромская дружина оказалась слишком велика, и

охватить ее полностью не удалось – иначе не разговаривал бы он сейчас с Будутой, лежал бы мальчишка в холодной степи, а вечно голодные вороны выклевывали его застывшие глаза. Но самое главное – русские не дрогнули, не побежали, боясь того, что тысячи степняков рубят их со всех сторон, а продолжили атаку. Конная рать, одетая в железо, набранная с пристрастием из тысяч желающих, годами тренированная в детинце опытными воеводами, уверенная в своей непобедимости и потому готовая рубиться с кем угодно и сколько угодно, на сытых, выращенных на овсе и ячмене конях сошлась с лихой толпой из призванных ханом пастухов, вооруженных тем, что каждый сумел найти сам или получил в наследство от дедов, на тощих лошадках, не знавших иной пищи, кроме травы – а зимой и ее добывавших через раз.

Да, конечно, легкая степная конница была страшной силой – когда налетала стремительно и нежданно, когда грабила оставленные без присмотра деревни и обозы, когда сметала малые заслоны и дозоры и исчезала неведомо куда, когда закидывала воинские колонны стрелами и легко отрывалась от преследования тяжело вооруженных врагов. Однако легкая стремительность хороша там, когда можно выматывать врага, не считаясь с многоверстными переходами, охватами и отступлениями. Когда же защищаешь свой дом, стремительность бесполезна. Можно только встать на его пороге с топором и рубиться, пока последний из разбойников не упадет с расколотым черепом. Торки защищали свой город. Они не могли бежать, они должны были умереть или перебить пришельцев. И они погибали – под ударами пудовых палиц и булатных мечей, затапываемые шипастыми подковами, протыкаемые точными выпадами рогатин. Погибали – и мало чем могли ответить богатырям, чьи тела закрывались не стеганными конским волосом халатами или кожаными кирасами, а добротными кольчугами и зеркалами; не толстыми меховыми шапками, а островерхими ерихонками с позолоченными улыбающимися личинами. Конечно, среди кочевников хватало и тех, кто смог купить или украсть настоящий колонтарь или греческий ламинар, кого обучал ратному делу не скучающий дед, а умелый сотник, ставший лишним у шатра правителя – но в битве тысяч отдельные счастливики особой роли не играют...

Муромская дружина, ведя за собой боярское ополчение и оружных холопов, успешно прорубилась через засадный торкский полк, разрешила силы поганых пополам, лишив общего управления, вышла степнякам за спины – и те, кто это заметил, поняли, что с минуты на минуту получают холодный клинок себе меж лопаток. Страх смерти для многих оказался сильнее чести – и они кинулись прочь, увлекая за собой малодушных и колеблющихся. Битва закончилась, превратившись в избиение тех, кто улепетывал медленнее своих товарищей.

Коли так – рассеявшиеся степняки будут бежать еще не один день, боясь преследования, не помышляя о сопротивлении, ища приюта у дальних родственников и друзей. Сохрани их хан собственную жизнь – вряд ли он сможет собрать больше десятой части своих нукеров, да и то еще очень не скоро. Это означало, что город обречен.

* * *

Подготовка к штурму заняла пять дней. К этому времени рука у Олега практически выздоровела, но участвовать в веселье, которого с нетерпением дожидалась муромская рать, он все равно не собирался. Не видел особой надобности.

Розмысли, что до того дня таскали в подкоп только бревна на подпорки, неожиданно взялись за связки хвороста, перебрасывая их к прикрытому щитами входу с трудолюбием муравьев. Закончили работу они только поздней ночью, незадолго до рассвета, бросив подкоп все до единого, – а вскоре из-под щитов повалил дым, начали вылетать искры. Тревоги в лагере никто пока не объявлял, но дружинники и боярские ополченцы уже подтягивались к краю лагеря, проверяя, удобно ли висят на поясе меч и боевой топорик, легко ли выскальзывает кистень, хорошо ли затянуты ремни зеркал; замирали, опершись па уткнутые в землю щиты, и смотрели па сизый неопрятный дым, в котором лишь изредка помигивали зловещим алым светом языки пламени. Дым валил не только из входа в подкоп, но и еще из доброй полусотни продыхов саженой на сто в обе стороны от щитов.

Появился князь – пеший, в расшитых серебряными нитями красных сафьяновых сапогах, в подбитой соболем шубе. И хотя одет он был в кольчугу, а голову его украшал островерхий шлем, было ясно, что в сечу он сегодня не собирается. Воевода Дубовой обошелся вовсе без налатника, вместо сапог надел подбитые кожей валенки – однако не прихватил с собой щита и личины к шлему.

– Часа четыре столбам гореть, – сообщил князю воевода. – Вот-вот рухнут.

– Так долго? – удивился муромский правитель.

– Воздуха там нет совсем, оттого и долго, – пояснил старый воин. – Пора полки скликать да лучников ставить напротив тына. Хорошо, вылазки бояться не нужно. Торки сами мост разобрали да ворота залили. Самим и не выйти.

Дубовей кивнул кому-то позади, и спустя полминуты над лагерем низко запели трубы. Почти сразу им откликнулись рожки по ту сторону стены: город тоже готовился к схватке.

Ратники, облизывая губы, сбивались в общую кучу перед городским валом. Именно в кучу, а не в полки – ни о каком построении речи не шло. Лишь две полусотни бояр, за каждым из которых шел холоп с пучками запасных стрел, раздвинулись в стороны, заняв позиции по краям дымящейся земли. Обычного при войске конского фырканья и перетоптывания копыт слышно не было, и потому казалось, что подготовка к битве идет в неестественной, зловещей тишине.

Ожидание тянулось, как прилипшая к подошве смола, каждое мгновение казалось вечностью. «Вот, сейчас, сейчас» – эта общая мысль носилась над людьми, почти осязаемая, словно произнесенная вслух. И все равно – прорыв случился неожиданно.

Больше чем по двухсотсаженной длине вал вдруг выплюнул плотную тучу иссиня черного дыма, вслед которой тяжело выдохнул снопы искр. Послышался громкий хруст, как при переломе цельного дерева, верхушка вала качнулась вперед, пронеслась вперед, резко остановилась, ударившись. Через все еще целый частокол полетели заготовленные для отражения штурма копья, камни, связанные в объемные пуки стрелы. Кувыркнулись вниз, в дымящийся, искрящийся ад и несколько воинов, до конца не покинувших свой пост. Потом стало видно, как по валу в разные стороны потянулись трещины – он начал раскалываться, точно глиняный ком, стукнувшийся о прочный валун, и место подрыва окончательно скрыли пыль, дым, гарь, клубы невесть откуда появившегося пара.

– Ур-ра-а!!! – не дожидаясь команды, ринулись вперед ратники, сотня за сотней растворяясь в черно-серо-белой пелене.

Лучники наложили стрелы на тетиву – но никаких целей пока не видели. Грязное облако продолжало расползаться во все стороны и подниматься в высоту.

Муромская рать чуть не в полном составе, исключая лучников и пять сотен ближней княжеской дружины, ушла в дым.

Наконец оттуда послышались крики, стук щитов, лязг железа: враги нашли друг друга и вступили в смертельный спор за право владеть городом. Шумы схватки то нарастали, то стихали полностью, то снова взрывались, неизменно смещаясь все дальше и дальше за вал – теперь уже бывший оборонительный вал.

Холодное зимнее солнце медленно поднималось над горизонтом, но его лучи все еще не могли пробить висящую над местом прорыва пелену. Хотя дым уже отлетел в сторону, а водяной пар рассеялся, пыльная завеса, сквозь которую еле просматривались края обвалившейся стены, продолжала колыхаться на месте, подпитываемая сизыми струйками, то тут, то там сочащимися меж земляными грудями. Видимость достаточная, чтобы не переломать ноги в ямах или не врезаться головой в торчащие бревна – но явно малая для прицельной стрельбы.

– Не пора ли и нам, княже? – наконец поинтересовался воевода у муромского правителя.

Князь Гавриил милостиво кивнул – Дубовой дал отмашку, и ближние сотни дружины медленно двинулись вперед.

За тыном возле осыпавшихся краев неожиданно возникло какое-то шевеление, защелкали луки – однако им немедленно ответили стрелки из боярских сотен. На каждого торка приходилось по пять-шесть русских лучников, и потому сопротивление защитников было подавлено практически мгновенно. Дружинники уже без особой опаски начали перебираться через земляные завалы, временами наступая на искалеченных поганых, а то перешагивая и своих товарищей.

– А-а-а!!! – Из-за вала на незваных гостей кинулись с копьями около десятка торков. Крайние дружинники заученно сомкнули щиты, приняли удар на них, подбили наконечники снизу вверх мечами, двинулись вперед. Поганые попятились, и двое из них тут же опрокинулись на земляных комьях, но вскочили, отбежали, выхватили мечи вместо оброненных копий, спрятались за товарищей.

Их соплеменники попытались повторить атаку, но опять напор копий был подбит вверх – только теперь двое муромцев, разорвав строй, ринулись вперед и моментально сразили двух беззащитных в ближней схватке копейщиков, схватились с теми, что уже держали мечи. Подступил сомкнутый строй остальных ратников, отогнал уцелевших торков – и те расступились, чтобы колоть нападающих с безопасного расстояния. Последовала новая копейная атака – один из дружинников опрокинулся назад, но остальные, откинув копья, совершили рывок вперед все одновременно, принимая врагов на мечи, и после короткой резни поганые оказались перебиты все до единого.

Откинувшийся назад дружинник тоже поднялся, отстегнул личину, скинул шлем. По лицу его обильно текла кровь. Воин пару раз стер ее рукой, а потом повернул назад к лагерю – с постоянно заливаемыми глазами много не навоюешь.

«Засыпать порошком из ноготков, сверху приложить мха да тряпицей замотать, – мысленно отметил ведун. – И то и то дезинфицирует, кровь останавливает. Но если без порошка, мох к ране прилипнет, снимать для перевязки больно будет. Впрочем, лекарей при рати своих хватает, разберутся...»

Уже в который раз за этот поход Олега кольнуло ощущение полной своей никчемности. Заговоров его никому не надо, лекарского опыта не надо. Ну ратным делом чуть не из милости заняться разрешили, дозор небольшой под руку дали – и то после первой же стычки увечным оказался. И чего увязался? Оттого что гость княжеский и относятся с уважением? Оттого что хотелось своими глазами увидеть, как торков за подлость минувшую накажут? Или привык, что везде и всюду на первых ролях оказывается? А здесь вот обошлись без него. Пропади совсем – никто бы и не заметил.

Больше никто на дружинников не наскакивал, и Дубовой вновь дал отмашку. Князь в окружении богатырей двинулся к завалам, над которыми наконец-то рассеялась пыль. Бояре опустили луки, спрятали их в колчаны, передали холопам. Оба отряда сомкнулись, начали пробираться вслед за муромским правителем.

– По всей видимости, это и означает в летописях: «Князь ступил в захваченный город», – пробормотал себе под нос ведун.

Из селения то тут, то там еще доносились крики, лязг оружия, чей-то протяжный болезненный вой – но если уж защитники не смогли удержать превосходящего врага у места прорыва, то на многочисленных улочках, неорганизованные, разрозненные, они и вовсе не имели никакой надежды. Скорее это отдельные жители пытались защитить свое добро, близких, скотину, не понимая, что сопротивляться поздно. Сопротивляться можно было, только объединившись в общие полки и насмерть встав на стенах или на баррикадах сразу за местом прорыва. Теперь оставалось только смириться и надеяться на милость победителя.

– Однако милости у победителей не снискать, – поморщился Середин, бредя по пустынному лагерю, в котором остались лишь увечные, стража да всякого рода ярыги, занимающиеся хозяйством и не берущие в руки оружия. – Милости не будет.

Он же сам не раз рассказывал всем о подлости и жадности торков, об их издевательствах и насилии. И о том, что такое племя на границах Руси жить более не должно.

Княжеского гостя тоскующий у полога дружинник пропустил без вопросов. В выстеленной коврами палатке правителя Олег, пользуясь отсутствием свидетелей, нашел возле княжеского трона кувшин с вином, припал к его горлышку, отпив сразу не меньше полулитра, зачерпнул горсть кураги, кинул в рот, выпил еще. Отошел к своей шкуре, сел на нее, привалившись к решетчатой стене, вновь вскинул кувшин ко рту и, решительно осушив его до самого дна, отбросил в сторону. Потом вытянулся во весь рост, завернулся в шкуру и закрыл глаза, дожидаясь, когда хмель избавит его от дурных мыслей. После некоторых стараний Середину удалось-таки заснуть, и поднялся снова он уже поздним вечером, разбуженный разудалыми криками гостей. Шатер был ярко залит светом нескольких десятков масляных ламп, пол был завален всевозможными яствами: сухофруктами, халвой, пастилой, жирными копчеными окороками, невесть откуда взявшимся виноградом. Причем большей частью угощения лежали без всякой посуды, просто на коврах, вперемежку с веселыми воинами, языки которых заплетались, но которые тем не менее то и дело требовали наполнить кубки и тут же их осушали, выкрикивая здравицы князю, боярам, русским мечам и богам. В пьяном угаре вместо Христа то и дело проскакивали имена Велеса и Сварога, но муромский правитель не обращал на это никакого внимания. Прислуживали гостям не холопы, а полностью обнаженные девушки, покрытые мурашками, посиневшие от холода.

Ведун выбрался из шкуры, прихватил одну из девиц за плечо:

- Огонь в очаге разведите, дуры, мороз на улице.

- Да! - Князь Гавриил изловчился и звонко хлопнул одну из пленниц по голой заднице. - Огонь разведите! Тут вам не город, холодновато будет!

Все дружно расхохотались над шуткой, видимо, означавшей то, что город пылает со всех сторон и в нем не замерзнешь.

- Ну ты и спать, боярин Олег, ну ты и спать! - доброжелательно покачал головой правитель. - Город пал, а ты и не заметил. Тебе волю дай, ты и Страшный суд проспишь!

Все опять расхохотались, словно столкнулись с самым искрометным юмором в истории. Середин ощутил острую потребность выпить - иначе с пьяными мужами общаться невозможно. Подбрав серебряную чашу, выпавшую из рук окончательно «уставшего» боярина, он протянул ее ближайшей пленнице, которая с готовностью наполнила сосуд белой пенистой жидкостью, и вскинул вверх:

- Да будет славен князь Муромский, победитель нехристей и защитник слабых!

- Буду, - согласно кивнул правитель, ответно приподнимая свой золотой кубок.

- Будет! - восторженно подхватили дружинники.

Середин опрокинул в себя чашу - и понял, что воины наливаются кумысом. Напиток-то не крепкий - это же сколько они его вобрали, чтобы так нахрюкаться?

- Славен я, конечно, буду, - скромно признал князь Гавриил, утирая покрытые пеной усы, - а вот ты, боярин, самое веселье уже проспал... - Он красноречиво потискал доливающую ему кумыс девушку за крупную грудь, запустил пальцы ей между ног. - Ладно, кто еще о детях моих позаботится, как не я? Давай, празднуй... - И правитель подтолкнул пленницу к нему.

Та поставила глиняную крынку возле трона, перешагнула ближних бояр, размела рукой просыпанный на ковер изюм и улеглась перед ведуном, разведя синие от холода ноги. И хотя девушка была симпатичная: широкобедрая, волоокая, с чуть смугловатой кожей и длинными волосами, сама сцена никакого вождения у Середина как-то не вызвала. Да и вообще не привык он близко общаться с женщинами на публике.

- Прости, княже, - склонил голову Олег, - дозвожь сперва освежиться выйти.

- Э-э, все у тебя не к месту случается, - разочарованно отмахнулся князь. - Вроде и воин славный, а победы все удачи не приносят. Меня держись, боярин. Со мной не пропадешь. Судьба отворачивается - так я о твоём благе поразмыслю...

Он опять прильнул к кубку. Ведун, сочтя его монолог за разрешение, отступил и поднырнул под полог палатки.

Снаружи творилось не менее бурное веселье, нежели в палатке. Крики женщин, разудалые песни мужчин, плач детей, громкие здравицы, стоны боли и страсти, храп завернувшихся в парчу или ковры воинов, разлитые кумыс и вино, рассыпанные сласти. Хнычущие дети, многие босые, в одних рубахах или штанишках, связанные длинными вереницами, зачастую попеременно с полуголыми женщинами постарше. Сваленная кучами рухлядь, сундуки, брошенные в костры скамьи, рейки, куски колес. Голые молодые девицы, частью связанные для удобства победителей в хитрые позы - то с примотанными к щиколоткам запястьями, то со стянутыми за спиной локтями, - частью свободные, покорные, смирившиеся со своей участью, понимающие, что бежать некуда: над городом поднимались многочисленные дымы, все еще слышались крики, стук, жалобное блеяние. Лучше всего одетыми оказались изможденные люди в драных портах и облезлых шкурах - видимо, освобожденные из рабства невольники, что теперь не упускали случая пнуть своих недавних хозяев, ударить палкой, надругаться над их дочерьми.

«Так нужно, - попытался убедить себя ведун, понимая, что на снегу в открытой степи из пленников до нового рассвета доживут не более трети. - Это необходимо. Логово торков должно быть уничтожено - иначе никогда не прекратятся их набеги на окраинные русские земли, на купеческие караваны, не перестанут степняки угонять в рабство русских детей и девушек. Так нужно. И если отцы этих детей, мужья этих женщин не желали своим близким подобной

участи, думать нужно было раньше и не строить свое благополучие на чужом горе, на рабском труде, на грабеже и воровстве. Так нужно...»

Однако трудно убедить себя в праведности происходящего, когда рядом застывает на снегу голый ребенок, а в двух шагах насилуют его мать или сестру. Логика и чувства вступают в смертельную схватку, разрывая душу, а доводы разума говорят о том, что его одинокой жалости не хватит на тысячи пленников.

Развернувшись, Олег вошел обратно в княжеский шатер, грубо вырвал крынку с кумысом у одной из невольниц, крупными глотками осушил до дна, зачерпнул еще из открытой у опорного столба бочки, опять выпил. Шагнул к жарко полыхающему очагу, присел рядом, протянув к огню ладони.

– Гляньте, как боярина жажда за пару мгновений обуяла, – довольно расхохотался муромский правитель. – Что, друг мой, освободил брюхо для нового угощения?

Олег требовательно отвел руку, и кто-то торопливо вложил в нее кубок.

– Славься, князь Муромский! – громко закричал ведун, заглушая рвущую душу тревогу. – Славься, отважная дружина его и бояре храбрые!

– Слава! – поддержали со всех сторон здравицу, зашипел наливаемый в чаши, кубки, ковкали, корцы и кружки кумыс.

– Славься, сила, славься, честь и справедливость русская!..

После нескольких тостов в голове зашумело, душевные муки поутихли, Олег включился в общее веселье, празднуя вместе с ратными товарищами нелегкую победу. А когда хмель и сон окончательно одолели его разум и он опять, отползая к стенке, стал закатываться в шкуру – рядом обнаружился кто-то мягкий и горячий, пахнувший парным молоком и можжевельником. Середин подмял это тихо попискивающее существо под себя, ворвался в него, как в крепость, и выплеснул всю свою усталость. А может, это был всего лишь сон – потому что, проснувшись утром, ведун никого рядом, кроме верной сабли, не обнаружил.

В палатке было тихо – если не считать редкого прерывистого всхрапывания одного из раскинувших руки бояр. После вчерашнего победного пира ныне отсыпалось всего около десятка воинов – видимо, свалившихся последними. Очаг догорал множеством углей, над которыми тихо приплясывали низкие синенькие огоньки. Пленниц видно не было, князя и воеводы – тоже.

Опоясавшись и накинув налатник, Олег вышел на воздух. Здесь, нагулявшись к утру, сотники и тысяцкие уже наводили порядок. Одевать пленников никто, естественно, не стал, но зато для них развели несколько костров. Голые девки по лагерю тоже не шлялись. Ежели и были при ком из ратников, то сидели, завернувшись в епанчи или шкуры, – если их, конечно, не «кувыркали», прячась от мороза под потниками или попонами. Пьяных никто пока не будил, к службе не призывал – но первый азарт от победы уже подспал, и дружина разоряла город просто с хорошим настроением и некоей деловитостью. Остатки рухнувшего вала слегка подровняли в одном из мест, и по получившейся дороге выкатывались возки с туго набитыми мешками, с тюками тканей и рулонами ковров. Время от времени попадались и вереницы связанных пленников по пять-шесть человек. Видимо, тех, кто смог удачно спрятаться в день штурма, но попался на глаза при более внимательном обыске.

И опять – ничего никому от Середина не было нужно, никто его не искал, ничего не просил. Никакого дела, никакого места в боевом расписании. Лишний человек при рати. Уж лучше бы с Вереей в ее усадьбу вернулся. Так ведь нет – заскучал, на одном месте сидючи, в дорогу потянуло...

Олег выхватил саблю, пару раз рассек ею воздух, крутанул вправо-влево, остановил, быстрым движением кинул в ножны, Рука, конечно, еще побаливала, но слушалась. Еще недельку – и вовсе о давешнем ушибе можно забыть. Плюнуть, да и отъехать от рати обратно на Русь? Да ведь зимняя степь – не человек. С ней сабелькой не сразишься, от нее щитом не прикроешься. Закружит в пасмурном сумраке, заметет поземкой, запутает одинокого путника – никакая отвага не поможет.

– Пойти, что ли, кумыса еще черпануть? – задумчиво пробормотал он. – Ох, сопьюсь я с этими торками...

– Здрав будь, боярин, – перехватил его у самого порога рыжебородый дружинник. Его тяжелая длань покоилась на плече мелко дрожащей девчонки лет тринадцати в прозрачных газовых шароварчиках и в атласной курточке,

завязанной на уровне нижних ребер. Еле наметившиеся крохотные груди, больше похожие на распухшие соски, выпирающие через сиреневую кожу тазовые кости, маленькие ступни с вовсе игрушечными пальчиками. При такой детской миниатюрности миндалевидные глаза возле острого носика казались невероятно большими. Один зеленый, другой синий. И спутавшиеся, грязные, но все равно яркие, золотисто-каштановые, длинные волосы.

– И тебе здоровья, десятник, – после короткой заминки вспомнил воина из дозора ведун.

– Помог твой заговор, боярин, – вздохнул рыжебородый, – помог. Дважды меня в сече недавней мечом достали, но чародейство твое уберегло. Не пробил меч поганый кольчуги, токмо епанчу порезал.

– И дальше помогать станет, – кивнул Середин. – Только не забывай: как с христианином столкнешься, только на себя надейся. Против христианского оружия эта магия не помогает.

– Эх, – крикнул рыжебородый, дернул ремень шелома, скинул его, оставшись в одной тафье, и низко поклонился: – Прости нас, боярин, сделай милость. Ты к нам со всем добром и помощью, а мы тебя обманули. Мутит душу нашу грех сей, каемся. Прощения просим, боярин. В сече той, что тебя поранило, сняли мы с поганых серебра и злата поболее, нежели признались. Не своей корысти ради, а ради друзей пораненных и вдовы Михайловой.

– За то гневаться не стану, – отмахнулся Олег. – Я же сразу сказал: им нужнее. Руки, голова на месте, мы еще добудем.

– И опять ты с добротой своей бредишь меня, боярин, – мотнул бритой головой дружинник. – Злого да жадного и обмануть не грех, а за тебя круг наш совестью мучится.

– Не мучайтесь, – вздохнул Середин. – Знал я все. Чувствовал. Так что не беспокойтесь. Согласен я на то, чтобы раненым и вдовам больше, чем живым, доставалось. Забудьте.

– Так ты знал... – Рыжебородый потупил взор и совершенно неожиданно покраснел. – И все едино заговор нам защитный дал?

- Отчего ж не дать? Общую землю, общий обычай защищаем...

- Значится, боярин, - решительно перебил его дружинник, - круг наш так решил, что грех свой пред тобой мы искупим. Князь повелел долю тебе общую дружинную счесть. Посему мы просили тебя, боярин, в наш десяток включить да при дележе девку тебе отвели. Молодую девственную. Так, мыслим, мы с тобой за обман прошлый сочтемся и глаза при встрече сможем не отводить.

- Ерунда, я обиды не держу.

- А мы свою честь сохранить хотим, боярин, - решительно качнул головой рыжебородый. - Бери свою долю, боярин. Так круг по совести решил.

- Невольница молодая куда больше обычной доли ратной будет, десятник, - напомнил ведун. - За такую трех-четырех копей добрых дать могут, а то и больше. Серебром гривен пять отсыпать. Ужели с такого захудалого городишки доля столь крупная выйти может?

- Круг решил, - упрямо повторил дружинник.

- Мне подачек не надобно, - поморщился Середин. - Общая доля, так общая.

- Общую долю, всю вместе, мы и сочли.

- А мне... - начал было спорить Олег и резко осекся, услышав, как стучат зубы у пленницы.

Да, конечно, становиться рабовладельцем ему хотелось меньше всего. Да, он мог отбрыкаться от невольницы, оставить ее десятку дружинников, и сегодня же вечером, отметив еще раз перед сном свою победу, они пустят девчонку по кругу, развлекутся для лучшего сна и завернутся в плащи, шубы, потники, оставив ее на снегу приходить в себя после первого в своей жизни акта мужской любви. И кому от этого станет хорошо? Воинам, что забудут о развлечении уже к утру? Ему, не запятнавшему совести позором рабовладения? Или не сделавшейся невольницей малолетке? Спихнуть напасть легко и просто. Забыть - и никаких проблем. И его совесть чиста - он рабовладением не замарался. Но станет ли от этого легче маленькой рабыне?

– Вот нечистая сила! – выдохнул Олег. – Ладно, быть посему. С этого момента я у вас в должниках числиться стану, радуйтесь. Нужда возникнет – помогу без корысти. Приходите.

– То и ладно, – обрадовался рыжебородый, нахлобучивая шлем. – Благодарствую тебе, боярин. Прости, коли что не так. Не со зла мы.

Он толкнул невольницу вперед и торопливо пошел в сторону, делая вид, что так ему нужно, – хотя Олег прекрасно понимал, что воин опасался даже случайно задеть колдуна одеждой или оружием. Так всегда – заговорами пользуются, улыбаются, ласковые речи ведут, но в душе все равно боятся, а то и ненавидят.

Девчонка, похоже, вконец одуревшая от холода, осталась стоять, слегка покачиваясь вперед и назад, мелко вздрагивая и стуча зубами. Ведун ухватил ее за загривок, завел в палатку. Пленница еле волокла ноги и, чтобы она не затоптала спящих бояр, Олег поднял ее на руки, отнес к своей шкуре, закатал в мех и пошел искать бочонок с кумысом. Забродившего кобыльего молока нашлось всего ничего – пальца на три у донышка. Наклонив бочонок, Середин смог начерпать себе два полных ковша, выпил, немного подкрепив разум и силы, заел крепленый кефир тремя горстями приторно-сладкого изюма.

По княжескому шатру разносился мерный перестук – пленница, даже завернутая в шкуру, продолжала трястись от холода. Похоже, внутреннего тепла, чтобы согреться, ей не хватало.

– Вот, блин, будни рабовладельца, – сплюнул ведун, подгреб в очаге угли в кучу к середине, разделся, скинув и бриганту и поддоспешник, раскатал шкуру, содрал с невольницы ее клоунские газовые штанишки и курточку, прижал бедолагу к себе и закатался снова. Спустя пару минут девчонка перестала вибрировать, уткнулась носом в ямочку между ключицами ведуна и провалилась в сон. Еще через несколько минут заснул и сам Олег.

Будута появился только на третий день – с опухшими глазами и посиневшими губами, но довольный, как обожравшийся ворованной ветчиной кот. Вместо негнущегося, часто простеганного тегилея на нем был такой же толстый и негнущийся стеганый ватный халат, но обитый сверху атласом. Под распахнутым воротом выглядывали сразу две шелковые рубахи, одна поверх другой. Добыча холопа: что по карманам успел распихать или на себя напялить –

то его. И то если хозяин мелочиться не станет. Ибо холоп сам является собственностью – и телом, и душой, и всем своим барахлом.

– Ой, какая кралечка. – расплылся в улыбке паренек, увидев торчащую из-под края одеяла девичью голову. – Ну и как она, боярин?

– Много будешь знать, скоро состаришься, – ответил Олег, выбираясь из шкуры. Пленница, сонно причмокнув, повернулась на спину, заелозила, укладываясь поудобнее. Ведун ее трогать не стал:

– На меч взял? – не без зависти вытянул голову Будута. – А мы тоже таких бабц наловили, прям как орешки лесные: смуглые, упитанные, крепкие..

Слушая его вполуха, Середин прошелся по княжескому шатру. Бояре, пока он спал, куда-то попропадали, очаг погас, бочонок с кумысом опустел, трофейные сласти оказались съедены.

– Японская сила, и пожрать человеку в приличном месте нечего!

– А то!– с готовностью отозвался холоп. – Кашевары, вестимо, тоже в город, за своей долей подались. Да и кому они нужны ныне? Народ у торков и скотины всякой набил, и погребя разорил. Жратвы всякой доброй навалом – чего кулеш жидкий хлебать, когда мясом брюхо набито? Таки... Ты чего, боярин? – запнулся он, ощутив на себе неподвижный взгляд Олега.

– Коли навалом, так пойди и принеси. Тебя для чего князь ко мне приставил?

– Э-э-э... – растерянно причмокнул холоп, пригладил рукой короткий ежик на голове. – Ну да... Сей же час, боярин, сделаем.

Надо признать, обернулся паренек всего за пару минут. Ведун еле успел обтереться снегом – за неимением иных санитарных средств, – а холоп уже приволок несколько треснувших вдоль досок, пару еще дымящихся головешек, дернул веревку клапана – из продыха у самого верха шатра почти сразу потянулся дымок. Когда Олег вернулся, над ярко полыхающим очагом на вертеле поворачивался румяный крупный окорок, похожий на говяжий. Холоп сидел рядом, одной рукой вращая рукоять, а другой поднося ко рту небольшую

обжаренную тушку, похожую на пороссячью.

– Надкусанная она была, боярин, – оправдался Будута. – Тебе греть постыдился.

– Кувшин тоже надкусанный? – кивнул ведун на крынку, из которой не забывал прихлебывать паренек.

– А я и тебе принес, боярин, – с готовностью показал холоп оловянный кувшин с низким развальцованным горлышком. – Они там дрыхнут уже все, им более не надо. – Он опять прихлебнул, сладко потянулся: – Глянь, боярин. Мы ныне одни в княжеских хоробах обитаем. Все наше. Где хочешь – спи, где хочешь – сиди, никто слова не скажет. Прямо как сами в теремах уродились, на медах выросли. Скажешь кому – не поверят.

У Середина появилось желание хорошенько дать Будуте в лоб – чтобы не слишком завоображался. Однако спросил он другое:

– А где правитель-то муромский?

– С дружиной, сказывают, в степь пошел. Остатние кочевья торкские добивать. Кажись, созрел окорок, боярин. Как мыслишь?

Ведун вынул нож, ткнул в мясо, потом срезал ломоть сверху и переправил в рот. Говядина пропеклась неплохо – совершенно несоленая, но переперченная сверх меры. Впрочем, это только сверху – и ведун оттяпал еще ломоть. А про князя мог бы и сам догадаться. Главное богатство степняков – это не лавки и шатры, а стада: отары, табуны. Глупо уйти из побежденного, беззащитного ханства и не забрать весь скот. Это для холопа добыча в две рубахи – радость. Князья берут дуван тысячами скакунов и десятками тысяч баранов.

Кстати, о добыче... Он отошел к шкуре, взялся за край, резко поднял, выкатив пленницу наружу:

– Продирай глаза, иди поешь.

Девчонка взвизгнула, но быстро пришла в себя, захлопала глазами, низко поклонилась Середину:

– Слушаю, господин.

– Иди сюда... – Ведун вернулся к очагу.

– Девка-то какая сочная... – причмокнул языком Будута. – Как камышинка стройная, как мышка бархатная. Ты с ней уже побаловал, боярин? Дай мне теперь повалять?

Тут уж Середин не выдержал, подкинул нож и, перехватив за кончик клинка, с замаху треснул оголовьем рукояти в лоб:

– За языком следи, холоп! Забыл, с кем разговариваешь?

– Прощения просим, боярин, – ничуть не смутился Будута, только потер ушибленное место. – Я токмо бы девицу повалил. Ласковая, небось, да тепленькая?

– Сдурел совсем? – перебросив нож рукоятью в ладонь, Олег срезал еще мяса, подобрал с ковра оловянный кувшин, прихлебнул вина. – Ребенок еще совсем, девочка. Не трогал я ее, отогреться только дал.

– Тоже верно, боярин, – с готовностью согласился холоп. – За девицу нетронутую, само собой, поболее заплатят, нежели за порченную. Токмо тут ее продавать нельзя, тут не заценят. Насытились все девками.

– На, – срезав новый ломоть, протянул его невольнице Середин. – Зовут-то тебя как?

– Урсула, господин, – двумя руками приняла угощение девочка и начала неторопливо его обкусывать. – Благодарю, господин.

– Ишь, какие штанишки шелковые. – вперился взглядом в низ ее живота Будута. Газовая ткань не скрывала от похотливого взгляда ровным счетом ничего.

– Ханская дочка, небось?

– Невольница я, – покачала головой Урсула. – Сказывали, малой совсем меня торкам купцы северные продали.

– Врет, боярин! – с удовольствием сообщил ведуну Будута. Где же видано, чтобы невольницу одевали так да чистенькой она до стольких лет оставалась?

– Продать меня сбирались, как подрасту, – попыталась оправдаться пленница. – Танцевать в гареме учили, маслом натирали. Орехами по несколько дней кормили, чтобы кожа цвет красивый приняла и пахла вкусно...

Сейчас, когда пленница согрелась, ее кожа и вправду из синюшного приняла легкий коричневато-золотистый оттенок, удивительным образом гармонируя с ярким цветом волос. Да еще глаза разноцветные, невинная, обученная всяким соблазнительным хитростям. Пожалуй, такую можно было продать за немалую цену или преподнести в подарок любому правителю, не боясь обидеть его дешевизной подношения. Ох, промахнулись северные купцы, торкам ее оставив, явно промахнулись.

– Врет, боярин, врет, – продолжал талдычить свое холоп. – По-нашему баает, невольницей с севера называется. Замыслила за русскую рабыню сойти. Дабы в полон не гнали, а свободу дали, отпустили на все четыре стороны. Ханский она родич, зуб даю! Хитрая, змея...

– Я не хитрая, господин, – аккуратно доев мясо, опустилась на колени пленница и склонилась в земном поклоне. – Клянусь, я стану тебе верной рабыней, господин. Верной, послушной и ласковой.

– На Руси рабов нет, Урсула, – задумчиво возразил ведун. Клятва девочки его ничуть не удивила. Когда тебя в детстве продали в чужие руки, ты никогда не знал ни матери, ни отца, ни родного дома, когда даже твою недавнюю тюрьму пустили по ветру – никакой свободы не захочешь. Куда, ей, свободной, пойти? Ни одежды, ни еды, ни крыши над головой. Поневоле схватишься за первого встречного, который не бьет и кормит. – А ты побереги зубы, Будута. Не то с такими клятвами скоро деснами одними шамкать станешь.

– А я что? – пожал плечами холоп. – Я о твоём доходе заботился, боярин. Дабы обману не случилось. Коли клянется, что свободы не спросит, так и говорить не о чем. Без обману все. На, Урсула, отпей вина. Не то, гляжу, мурашки по тебе

одна за другой вприпрыжку носятся...

Невольница вопросительно глянула на Олега. Ведун протянул ей оловянный кувшин, отрезал еще мяса, ломоть покрупнее:

- Давай, ешь, пей да обратно заворачивайся. Коли повезет, не простудишься после вчерашних гулянок.

- Дозволь, боярин, с просьбой обратиться, - решив, что гнев Олега окончательно прошел, кашлянул Будута.

- Чего же тебе надобно?

- Дозволь часть прибытка моего - халат, рубаху, сапоги яловые да кувшин серебряный - к тебе в узлы запрятать?

- И чего тебе это даст? - не понял Середин. - Я ведь в Муроме при детинце жить не намерен, рухлядь свою у меня навечно не спрячешь. Все едино забирать придется, да ключнику, князю - или кто там у вас за главного - показывать.

- Дык, - перешел на шепот холоп, - продам в Муроме, как возвернемся. А серебро спрятать проще. Авось, и пригодится.

- Ладно, прячь, коли своего узла не полагается, - согласился Олег, и Будута моментально выкатился из княжеского шатра.

Вот она, холопья доля. В поход наравне со всеми идет, а как доходы делить - так дружиннику доля положена, а холопу - нет. Обидно. Хотя, с другой стороны, не холопы, а дружина в каждой сече вперед стальным тараном идет, она постоянно тренировкой себя утруждает, она о своем оружии заботится. Да и не продают дружинники свою свободу за кошель серебра. Служить служат, да честь берегут.

Хотя - не ему судить. Может статься, не о чести, а о куске хлеба Будута думал, когда в холопы продавался. Может, родителей от правежа спасал, али сестре приданое дать хотел. Жизнь - штука хитрая. Нет в ней общих аршинов и одинаковых судеб.

- Не судите и не судимы будете, - вспомнил он древнюю житейскую мудрость.

- Это правда, что в твоей стране нет рабства? - вдруг послышался из свернутой шкуры девичий голосок.

- Правда, - кивнул Олег.

- Значит, там меня ни продать, ни купить?

- Можно, - вздохнул ведун.

- Как же так?

- Понимаешь, Урсула... В жизни человека всякое случается. Кто-то хочет распоряжаться собой сам, кто-то предпочитает переложить заботы на другого и жить на всем готовом. Кто-то оказался слишком самонадеян и не способен отдать долги. Случается всякое. Ты вот стала невольницей из-за войны, отвечаешь собой за былые преступления торков. Поэтому запретить рабство полностью все равно не получится. Но на Руси действует одно незыблемое правило: русская земля священна, и на ней не могут рождаться рабы. Каждый, кто родился на священной русской земле - рождается равным и свободным. Потом он может посулиться на легкое золото и продаться в холопы. Потом он может влезть в долги и стать ярыгой, пока не расплатится. Он может попасть в плен, стать невольником. Может взять в аренду землю и до последних дней сидеть крепостным, не сумев расплатиться за подъемные или собрать арендную плату. Но на Руси человек всегда рождается свободным. У раба ли, у крепостного, у ярыги и холопа - он рождается вольным, и никто не может его продать, убить, подарить, казнить без суда. И никто, кроме него самого, не смеет решать его судьбу. Все русские равны, и твои дети родятся такими же вольными и такими же равноправными, как княжеские дети, и могут стать кем угодно. Сам великий князь Владимир, креститель Киева - сын рабыни, и в иных землях с рождения и навсегда остался бы рабом. Только родившись на священной русской земле, раб может стать князем, муромский крепостной - боярином, ремесленник-кожемяка или сын попа - дружинниками. Этот обычай идет с древнейших времен, и даже вольный Новгород не смеет его нарушать. Хотя, как известно, со времен Эллады основой любой демократии является рабство. Насколько я помню, опустить Святую Русь на уровень рабской Европы посмели только Романовы аж в семнадцатом веке[2 - Отмена правила о личной

свободе каждого рожденного на русской земле произошла при царе Алексее Михайловиче Романове в 1619 году путем принятия Земским собором нового Соборного уложения, введившего крепостничество европейского образца. Это привело к многочисленным бунтам, из которых наиболее известны восстание под руководством Стеньки Разина и Московский бунт 1662 года. В церкви произошел так называемый Никоновский раскол.]... Спишь, что ли? Понятно. Русская история оказалась слишком сложна для неокрепшего разума...

* * *

Князь вернулся в лагерь поздно вечером, и в шатре опять разгорелся разудалый пир. Откуда ни возьмись появились и невольницы, и греческие вина с кумысом, и чистые ковры, и угощение: мясо, сласти, соленья. Сотники и избранные дружинники пребывали в приподнятом состоянии – видать, в степь скатались не зря. Хотя по женским ласкам соскучились изрядно, что очень скоро испытали на себе юные пленницы. Урсула оказалась умницей, лежала в шкуре, не шевелясь и, наверное, даже не дыша. Потому обычная участь всех пленниц миновала ее и на этот раз.

Поутру муромский правитель опять умчался с большей частью дружины – но лагерь наконец встряхнулся от веселья и последовавшей за ним спячки, начал сворачиваться, грузиться на телеги, сани, арбы и прочие повозки и вскоре после полудня вытянулся в черную, толстую, обожравшуюся змею. Перегруженный добычей обоз оказался чуть ли не вчетверо больше того, с которым рать выходила из Мурома, а торкский город – молчаливый, холодный, потемневший – остался один, похожий на скорлупу разгрызенного ореха: хлеб из амбаров скормлен лошадям, добро из складов вывезено до нитки, жители частью перебиты, частью угнаны в неволю, дома разрушены и пожжены. Широкий пролом в земляном валу с тыном, а за ним – пустота.

Дубовой выискивал что-то в степи вместе с князем, за старшего в рати остался боярин Ясень, в Христе – Ануфрий. Его Олег не знал совсем, а потому и вовсе оказался на отшибе: на пиры не звали, в дозоры не посылали, мнением не интересовались. Княжеского шатра никто больше не ставил – нет князя-то! – и ведун, как простой дружинник, спал на снегу, завернувшись с невольницей в шкуру, а ел и вовсе вяленое мясо и сухари из своих припасов – харчеваться-то с общего котла он ни с кем не договаривался! Хорошо хоть, сумки на чалом мерине остались полны ячменя. Хватало в торбы и своим лошадям насыпать, и

торкскому, трофейному, подкормиться.

Урсула ехала на торкском скакуне. Олег отдал ей свои мягкие войлочные сапоги, надев летние, яловые. Штаны же себе оставил меховые, а девчонку засунул в летние шаровары. На плечи ей накинул кожаный поддоспешник, взятый с торка стеганный конским волосом халат и свой треух. Выглядела она в таком наряде жутким страшилищем – но хоть не мерзла. Покачиваясь в седле и постоянно натываясь на нее взглядом, Середин прикидывал ее будущее и так и этак, но всяко получалось, что девчонку придется продать. Самым красивым жестом было бы, конечно, отпустить. Но это равносильно тому, что отвезти домашнего поросенка в дикий лес, да и выкинуть в кусты со словами: «Гуляй, мой хороший, и благодари меня за доброту. Я дарю тебе свободу». Волки скажут большое спасибо.

Куда она денется в большом незнакомом мире? Беззащитная, соблазнительная, ничего не знающая... Остается только продать. Продать в хорошие руки, как породистого котенка, и покончить с этой головной болью навсегда.

Жалко, конечно, расстаться с такой очаровашкой, что каждую ночь тихонько посапывает в ухо и забавно путается в штанах, на десять размеров больше ее собственных, – но куда она ему? Да еще соблазнительная, несмотря на столь ранний возраст... Веревя прознает – на краю света ведуна найдет и печень выгрызет. Ни за что не оправдаешься.

Жизнь Олега – седло и дорога. Заработок – сабля да нежить али хворобы, что к людям вяжутся. Девиче в таком мире места нет. Если нежить вместо него не сожрет – так сама обветрится, выгорит, и не станет куколки, на орешках выращенной, в танцах воспитанной. Дома у него нет, и заводить своего угла совершенно не тянет. А непорочной Урсула навечно не останется. Что же потом – еще и колыбельки в седлах раскачивать да пеленки меж лошадыми сушить? На болотах с криксами рубиться, глядя, как девица малых грудью кормит?

Нет, продать, только продать. Выручить десяток гривен серебром, да и вернуть ее в мир, где едят с золота, спят на шелках, думают лишь о ласках, а пыль дорожную видят лишь из высоких окон расписного терема. И не в Муроме, где победоносную рать наверняка уже ждут купцы с половины Европы и договариваются, до какого уровня цены сбить, – а отвезти девчонку подальше. Чтобы не для перепродажи ее торговые люди приглядывали, а для себя боярин или горожанин зажиточный возжелал.

Урсула чувствовала его взгляд, оглядывалась, смущенно улыбалась – мысли ведуна начинали путаться, он снова прикидывал так и этак, но суровая логика каждый раз приводила к одному и тому же результату: продать. Только продать! И чем скорее, тем лучше. Пока к душе не прикипела.

Самоцвет

До Мурома рать возвращалась почти два десятка дней. У Олега от долгой сухомятки во рту уже мозоль натерлась, а снег он ел с такой же легкостью, как когда-то и детстве леденцами похрустывал. Еще немного, и траву бы из-под снега, как лошади, копать и жрать научился бы. Но в один из дней обоз вдруг свернулся в кольцо задолго до рассвета, а дружинники вместо того, чтобы, расседлав коней, устало падать с ног и звать кошева-ров, вдруг начали ровнять бороды, глядя на отражение в широких полированных мечех, чистить штаны, прятать налатники, натирать пластины колонтарей и зерцал, наводить блеск на кольчуги, менять валенки на сапоги.

Что это означало, Середин знал. Значит, до города осталось всего часа четыре пути, и рать готовится ступить на родные улицы во всем воем блеске и красоте, грозности и силе. Переночевать неподалеку, подняться на рассвете и войти в ворота не в сумерках, а около полудня, чтобы хватило времени и горожанам показаться, и с товарищами расстаться не спеша, и отпраздновать прибытие достойно.

Это могло случиться завтра. А могло и послезавтра. Или после-послезавтра. Князь-то с дружиной к рати еще не присоединились. А кто же без князя домой вернуться рискнет?

Олег поднял голову, прищурился на закатное солнце. До сумерек оставалось еще часов шесть.

– Знаешь что, Будута, – решил он. – Кланяйся от меня князю, передай благодарности мои за гостеприимство, за дело великое, что сделал он, за товарищей моих отомстив. Кланяйся. А я поскачу.

– Как же так, боярин? – попытался остановить его холоп. – Едим уперед рати?

– Не бойся, в Муром заезжать не стану, никого не предупрежу. Внезапно войско ваше вернется, внезапно.

– Так к чему спешить тогда, боярин? – Уже спешившийся холоп удержал гнедую за уздцы. – Еще пиры будут, как вернемся, подарки князь станет раздавать, милости...

– Пусть словом добрым помянет, – ответил ведун. – А мне пора. Солнце, вон, что ни день, теплее становится, насты на холмах подтаивают. Еще пару дней, и зимники ручьями потекут, никуда до самого ледохода не доберешься. Поспешать надобно, поспешать.

– Куда же ты теперь, боярин Олег? – отпустил поводья холоп.

– В Углич поскачу. Там, мыслю, Урсуле хорошо будет.

– Это верно, боярин, – признал Будута. – Там за такую ладную девку хорошую цену дадут. Ну коли так, прости за все, в чем не угодил, не поминай лихом. Скатертью тебе дорога и Бог в помощь.

– И тебе того же...

Олег наконец-то пнул пятками коня и вырвался из лагеря через щель между еще не сдвинутыми арбами, ведя с собой в поводу сразу двух коней – груженного узлами чалого и рыжего торкского с укутанной в халат невольницей.

Верховой обознику не товарищ. Что телега за день прокатит – всадник, может, и за час промчится, коли кони свежие да есть, куда торопиться, Ведун не торопился – но тем не менее миновал Муром уже через час, обогнув его по колее, накатанной добытчиками льда из ближних деревень. Места здесь были знакомые, и Олег без труда определил уходящий к стольному граду Суздалю зимник.

Зимой путнику хорошо. Ни дождя не нужно бояться, ни распутицы. Дорога не петляет, огибая вязи, переползая через броды или мостки, долго тянись вдоль

широких плесов. Между крупными городами зимники прокладывают строго по прямой, поверх застывших болот и рек, через заснувшие на зиму поля. Лишь изредка вильнет он, обходя слишком глубокий овраг или крутой холм – и опять вытягивается, как тетива.

К мелким селениям, правда, что летом, что зимой одна дорога – реки. Ну да в мелкие городки Середин заглядывать и не собирался. А Углич – он, как и Новгород, Муром, Ладога, Руса, Суздаль, стоял на русской земле, казалось, вечно. Сказания местные этим городам несколько тысячелетий отводят, а как на самом деле – кто знает? Скорее меньше. А может, и больше. Слышал где-то на постоялом дворе Олег, что, сотворив шесть тысяч лет назад земной мир, именно в Угличе остановился отдохнуть великий Сварог. Потому что в Новгороде с него за отдых пожелали плату стрясти, а в Суздале обокрасть попытались.

Легенду сочинили, скорее всего, угличцы. У них с Суздаlem с незапамятных времен тянулась черная вражда, часто переходящая в открытую войну. Именно в походах против Суздаля, сказывали, сложили свои головы два сына Угличского князя Всеволода. А после того, как третьего сына сожрала лихоманка, привязавшаяся к княжичу после охоты близ Улемской вязи, случилось невероятное: бесконечная война внезапно окончилась свадьбой старшего сына князя Суздальского и единственной дочери, последнего ребенка князя Угличского.

Неизвестно, принес ли счастье этот брак молодым людям, но среди простого люда обоих княжеств возникло что-то вроде эйфории. Ведь сын от этого брака становился в будущем наследником обоих столов, княжества сливались в одно – а потому любые войны между княжествами утрачивали всякий смысл. Посему простые смертные уверовали в вечный мир на все времена, начали выкапывать заныканые на черный день кубышки, развязывать кошель и строиться, открывать новые дела, распахивать земли, что раньше считались рискованными; забрасывали схроны и покупали добро, которое трудно утащить или спрятать в тревожный час. Чего бояться? Вечный мир впереди! К этому островку счастья и мчался ныне ведун, надеясь отдохнуть немного после похода, пристроить Урсулу при богатом доме, да и самому улучшить финансовые дела, раз уж появилась такая возможность.

– Не продавай меня, господин... – Олег вздрогнул: девочка словно прочитала его мысли. Хотя, конечно, разговоры его с холопом она слышала и, куда они скажут, догадывалась, – Не продавай, я буду ласковой и верной.

- Тебе чего, малышка, вяленое мясо с сухарями не надоело?

- Лучше вяленое мясо, чем кулаки и холод, господин. С тобой не страшно. Я не боюсь тебя, господин. Я хочу и дальше жить без страха.

- Ты и будешь жить без страха. В дом терпимости не отдам, не волнуйся. Хорошего хозяина выберу. С палатами каменными, одеждами шелковыми, и чтобы дом был полная чаша. Станешь как сыр в масле кататься. Спать на перинах, сидеть на соболях и орехи торкские, как отраву, вспоминать. Ты ведь, небось, с непривычки уже давно попочку свою о седло отбила?

- В шелках я уже жила, господин. В шелках и страхе. Танец неверно исполнишь - вниз головой на весь вечер вешали. Плохо мужчину приласкаешь - ноги на ночь в колодки забивали с подогнутыми пальцами.

- Мужчин ласкала? - не поверил своим ушам Олег.

- Конечно, господин. Меня много учили, как лучше всего доставить будущим хозяевам удовольствие. Не позволяли только девичество потерять. Я умею быть очень ласковой, господин. Ты не пожалеешь, коли оставишь меня при себе.

- Чур меня, - тряхнул головой ведун. - Ты только не хвастайся этим никому. А коли ласковой быть умеешь, так тебя любой хозяин на руках носить станет и баловать, как захочешь.

- Хозяева свое требуют, а не просят, господин. Лишь ты ничего не желаешь. Заботишься и не наказываешь.

- Ну что поделать, - пожал плечами Середин. - Диковат я для этого мира. Но ты напрасно думаешь, что я единственный хороший мужчина в этом мире. Тебе просто не везло. Будут и другие.

- Зачем мне другие, коли боги послали тебя? - удивилась Урсула. - Оставь меня, господин. И я сделаю так, что ты не пожалеешь об этом ни единую ночь.

- Не смущай меня, девочка, - покачал головой Олег. - Ты действительно хороша и нравишься мне. Но моя жизнь не для меня. О тебе же забочусь, малышка!

- Ты говорил, на русской земле каждый сам выбирает свою судьбу, господин.

- Тебе не повезло, - отрезал Олег. - За тебя буду думать я.

Разговор оборвался, и только топот копыт по сбитому в лед дорожному полотну разрывал вечернюю тишину. За ночлег ведун особо не волновался и оказался прав: через несколько верст впереди показался частокол на невысоком валу, под пустой смотровой площадкой вмерзли в сугроб широко распахнутые ворота.

- Видать, совсем народ расслабился от мирной жизни, - пробормотал себе под нос ведун и покрутил правой кистью. Рука больше не болела. Для нее война тоже осталась далеко позади. - Что же, тогда и нам спокойнее.

Ограды в четыре жерди поджали тракт до ширины в четыре сажени - только-только двум телегам разъехаться, матовые квадратики затянутых бычьим пузырем окон уже светились желтизной. Видать, экономить лампадное масло, а то и свечи, крестьяне не привыкли. Откуда-то неподалеку слышались звонкие частушки под нечто тренькающее, как балалайка. И правда, что землепашцу еще зимой делать, кроме как песни петь? Скоро снег стает - не до песен будет. Семь потов сойдет, пока к новой зиме хлебом, тушенкой да соленьями запасешься.

Нагнав какого-то туземца в длинном овчинном тулупе, ведун придержал коня и громко окликнул:

- Доброго тебе вечера, мил человек! Не подскажешь, постоянные дворы у вас в селении есть?

- У нас на Мыске токмо два срублено. - Человек обернулся и оказался голубоглазой девицей, завернувшейся в тулуп поверх ярко вышитого сатинового сарафана, ворот которого проглядывал на груди. - Как до росоха доедешь, то по правую руку Епифаневский будет, а по левую - Болотыгинский.

- А какой лучше?

- Коли меда выпить желаешь, то направо поворачивай, мил человек. Коли попариться хорошенько, то налево. Болотник о прошлом годе новую баню

поставил. Ну а коли жена ладная да красивая нужна, то за мной поезжай, не ошибешься.

- Жена - это здорово, - усмехнулся ведун. - Да только отмыться сперва не мешает.

- Ой, не ошибись, добрый молодец, - кокетливо склонила голову девица. - Хорошая жена и попарить умеет, и медком отпоить, и спинку потереть.

- Жену бери, - заворочавшись в темном халате, неожиданно хриплым голосом посоветовала Урсула и, втянув голову, стрельнула из-под шапки одним глазом. - Котлы в яме пустые, сало в лампах кончилось.

- Мама!!! - взвизгнула девица и задала стрекача вдоль изгороди.

Урсула довольно захихикала.

- Зачем ты это сделала? - сердито оглянулся Олег. - Даже поговорить не дала.

- Ты ведь предупреждал, господин, - сдвинула на затылок треух сияющая невольница. - В твоей жизни спутницы не нужны.

- Моя жизнь - не твоя забота, - попытался придать строгость голосу ведун. - И вообще, не забывай, кто тут хозяин! Вот, навязалась на мою голову.

- Разреши мне искупить свою вину, господин, - вкрадчиво предложила пленница. - Сегодня же ночью.

- Еще и без сна хочешь оставить? Помолчи лучше.

- Ты захочешь, чтобы все прочие ночи стали такими же, господин.

- Мала ты еще такие разговоры вести, - впереди показался перекресток, и Олег повернул налево, в низинку. - Что учили, понятно. Да только ни разума, ни возраста добавить не могли. Так что перестань.

- Коли продашь - новый хозяин тоже ждать станет, господин?

- Деду старому продам. Ему вообще ничего не надо...

Они миновали очередную изгородь, и впереди показался добротный забор из плотно сбитых жердей. Рядом с воротами, распахнутыми несмотря на позднее время, висело било. Взяв колотуху, Олег несколько раз звонко стукнул по вогнутой доске и въехал во двор.

В нос тут же ударило запахом мясного варева, свежего сена, смолянистым березовым дымком. Сено было свалено огромной грудой у стены длинного сарая, в котором тяжело фыркала скотина - видать, новую травку привезли совсем недавно. Олег повернул к нему, спешил, ослабил подпругу. Истосковавшаяся по душистому ломкому сену гнедая тут же опустила голову и задвигала челюстями. Середин отпустил ремни также на чалом и трофейном коне, помог спуститься путающейся в халате Урсуле. Только после этого на крыльце дома появился дородный чернобородый мужик в коричневой рубахе из домотканого полотна, поверх которой была накинута каракулевая душегрейка. Полотняные же штаны подвязывала простенькая веревочка - но когда мужик сложил на животике ладони, на двух пальцах его гордо блеснули золотые перстни.

- Здрав будь, хозяин, - двинулся к нему Олег. - Гостей принимаешь?

- И тебе здоровья, добрый человек, - не стал отнекиваться Болотник. - Отчего не принять, коли горницы пустые есть? Ты ведь, вижу, заночевать замыслил? Али только перекусить и лошадей приютить, а сам на сеновале покемаришь?

- Борщ, баню, поросенка и комнату, - загибая пальцы перечислил ведун. - Хотя нет, не поросенка. Гуся - самого жирного, тушеного в кислой капусте с тертым яблоком и нарезанной мелкими кубиками репе. Можно прямо сейчас в печь ставить, пусть протомится подольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

1

Л. Сонин. «Древние государства уральских народов».

2

Отмена правила о личной свободе каждого рожденного на русской земле произошла при царе Алексее Михайловиче Романове в 1619 году путем принятия Земским собором нового Соборного уложения, вводившего крепостничество европейского образца. Это привело к многочисленным бунтам, из которых наиболее известны восстание под руководством Стеньки Разина и Московский бунт 1662 года. В церкви произошел так называемый Никоновский раскол.

Купить: https://tellnovel.com/prozorov_aleksandr/mednyy-strazh

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)